

ДОКТОР ИВАНЫЧ

БАЙКИ СТАРОГО ПСИХИАТРА

Популярный блог
на Яндекс.Дзен «Ужасно злой доктор»
Более 80 тыс. читателей

Доктор Иваныч
Байки старого психиатра
Серия «Звезда соцсети»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68520913

Байки: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-151914-8

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались, с чем сталкиваются врачи-психиатры на дежурствах? Или о том, как психические болезни воспринимаются глазами пациента? Как эти двое договариваются и находят общий язык?

«Байки старого психиатра» – это уникальный сборник рассказов из практики врача скорой помощи. В книге вас ждут честные истории о работе медиков, ночных вызовах к пациентам и воспоминания о врачебных буднях. Серьезные истории написаны с неиссякаемым юмором от автора!

Содержание

Записки врача-психиатра скорой	5
Как меня в фельдшера превратили	5
«Жалобная» смена	17
Белогоряечное	35
Вечер не был томным	50
Фельдшер Жорик	64
Трагическое происшествие с Василичем	80
Заездили...	102
Долгая смена	122
Пустые вызовы	143
Максимкины гастроли	165
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Доктор Иваныч

Байки старого психиатра

© Доктор Иваныч, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Записки врача-психиатра скорой

Как меня в фельдшера превратили

Вот и пролетели три выходных. Как будто их и не было вообще. Не выспался, задремал в маршрутке, чуть было остановку свою не проехал. Да и как тут выспишься, если накануне, чуть свет, за грибами пошел, большую корзинищу и пакет набрал, еле притащился. А потом, когда с дачи приехали, до позднего вечера их разбирали и чистили. Что-то небывалое в этом году, грибы прут и прут, прямо нашествие какое-то! И ведь не прекращаются, заразы такие!

Дежурство началось с неприятности: оказывается, сломался наш бригадный дефибрилятор, перестал заряд держать, только от сети работает. Предыдущая смена его в ремонт сдала, а взамен выдали автоматический, говорящий. За границей такие в общественных местах находятся, чтобы любой человек, при необходимости, мог воспользоваться для оказания первой медицинской помощи. Ерундовина полная, настроек никаких нет, энергия заряда слабоватая. Ладно, дай бог, чтоб не пригодился.

В прошлую смену, на утренней конференции, получил я трёпку от главного врача.

– Юрий Иванович, уважаемый, а вам не кажется, что вы,

эээ, стали слишком привередливы? – спросил он, пристально глядя на меня и похлопывая ладонью по столу. Да, он всегда так делает, когда нервничает.

– В каком смысле? – не понял я.

– В буквальном смысле! Вы выбираете вызовы, как блюда в ресторане! На роды не поеду, гипертонию мне не надо, на боль в груди пусть БИТы¹ едут, вызовы к детям пусть педиатрические бригады обслуживают! – аж раскраснелся он, бедолага.

– Так ведь я – врач-психиатр, а бригада специализированная – психиатрическая. Сделайте тогда нашу бригаду общепрофильной, и тогда мы будем на все подряд ездить, – возразил я.

– Юрий Иванович, не нужно мне указывать, что делать! Вы, прежде всего, врач, работающий на «скорой»! Во-первых, психиатрическая бригада у нас не выделена в самостоятельную службу, а во-вторых, у вас, если что, есть сертификат по скорой медицинской помощи! Поэтому, я уже говорил вашим коллегам-психиатрам из других смен, теперь и к вам обращаюсь: выбирать вызовы вы больше не будете! – произнес он уже откровенно на повышенных тонах.

Хотел я напомнить ему про минздравовский приказ, но не стал в бутылку лезть, бесполезно это. Если уж он уперся, то его ничем не своротишь. Можно бы, конечно, с жалобой в Департамент здравоохранения обратиться, но началь-

¹ Бригада интенсивной терапии. – Прим. ред.

ник Департамента его дружбан, не даст его в обиду. Проверено уже. Месяца три назад, фельдшеры жаловались на низкую зарплату, которая, если чистыми брать, и до двадцати тысяч не дотягивает. И что? Приехал этот господин к нам на «скорую», взял в бухгалтерии размеры зарплат и возмущенно заявил на общем собрании, мол, неправду вы говорите, и получаете не менее двадцати пяти тысяч! А у некоторых, аж за тридцать выходит! Чистыми! Вот только не услышал он, что эти зарплаты начислены за работу не на одну, а на полторы-две ставки. Точнее, не захотел услышать. В общем, он сделал вывод, что все замечательно, фельдшеры, как сыр в масле катаются, ну и уехал восвояси.

Сегодня конференции не будет. Да и больно хорошо. От этих конференций все равно толку не стало. Раньше мы ошибки разбирали и интересные клинические случаи, с нами учебу проводили. Интересно было. А теперь все ограничивается лишь докладом старшего врача о вызовах за предыдущую смену. Ну, а в конце, традиционное: «Есть вопросы к старшему врачу? Нет? Тогда всем спасибо!»

Сегодня двадцать три бригады на линии. Маловато, конечно. Да и то, количество бригад увеличилось за счет фельдшеров, которых опять поодиночке поставили.

Долго не вызывали, я уж начал задремывать перед телевизором. Но вот из динамика резко раздалось: «Шестая бригада!». Ну вот и наша очередь настала. «Адрес такой-то, М., 51 г., без сознания».

Маленький, потрепанный жизнью частный домишко с никогда не мытыми окнами и покосившимся забором. На улице нас встретил друг больного, мужичок неопределенного возраста, небритый, с отеками и обрюзгшим лицом.

– Мужики, там это..., Паша не просыпается! Мы с ним бухну́ли вчера чутка, а сегодня разбудить его не могу, спит и храпит! Чо такое-то?!

– Ладно, сейчас посмотрим.

В доме грязь непролазная, бомжовник натуральный. Больной в грязных рубаше и спортивных штанах лежал на такой же грязной постели без белья. Лицо красное, дыхание шумное, правая щека «парусит», носогубная складка сглажена. Давление 220/110. На ЭКГ ничего примечательного, глюкоза в крови нормальная. Ну что ж, похоже на геморрагический инсульт с комой I–II. Сделали все, что положено по стандарту. Надо бы паспортные данные записать и номер полиса, а нет ничего. Дружбан сказал, что паспорт и полис больной давно потерял. Прописан где-то в другом месте, а где – неизвестно. Но ничего не поделаешь, повезли в стационар. На КТ подтвердился инсульт. Да, вот и допился Паша. Если и выкарабкается, то инвалидом останется...

– Шестая бригада, пишем вызов! Адрес такой-то, Ж, 24 г., первые роды.

– Принял, шесть!

Начинается! Вот и воплощаются в жизнь указивки главного. Нет, если просто увезти в роддом, то ничего тут страш-

ного нет. А если, не приведи господь, домашние роды случатся? Ведь акушерство-то я давно забыл, мне что, по инструкциям из интернета, роды-то принимать? Да и фельдшеры мои, боюсь, тоже не особо подкованы в этих делах. Ну ладно, авось пронесет, ведь первые роды не протекают так стремительно, как последующие.

И действительно, все обошлось хорошо. Первый период родов только начинался. Роженица, умничка, была уже собрана, с готовой сумкой и документами в папочке. Фельдшер Толик быстренько записал в карточку все необходимые сведения, и мы без приключений прибыли в роддом.

– Шестая бригада, пишем вызов: адрес такой-то, Ж, 36 л., боль в груди.

– Принял!

Больная испуганно рассказала, что примерно час назад у нее появилась острейшая боль в груди слева при дыхании. А сейчас стало получше, но все равно немного больновато при глубоком вдохе. Понятно, 99,9 % гарантии, что никаких сердечных проблем нет, а есть всего лишь межреберная невралгия. И точно, на кардиограмме все хорошо, ничего «криминального» я там не увидел. Однозначно, невралгия. Объяснил больной ситуацию, сделали ей кеторол внутримышечно и уехали восвояси. Осталась она повеселевшей и удовлетворенной.

Эх, как же меня в сон-то клонит сегодня! Нет, все, хватит, больше никаких дач и никаких грибов накануне работы.

Карточку дописывал, борясь с дремотой.

– Шестая бригада, пишем вызов: адрес такой-то, М., 41 г., психоз, больной учетный.

– Принял!

Ну вот, наконец-то наш, профильный вызов дали. Возле подъезда «хрущевки», нас встретила пожилая женщина, как оказалось, мама больного.

– Ой, доктор, помогите, пожалуйста! Опять его кружит!

– Это как понять?

– Ну как, мерещится ему, что кто-то на него напасть хочет. С ножом и топором у входной двери все стоял, все прислушивался. Я перепугалась, дождалась, пока он отвлечется, быстренько телефон взяла и выбежала.

Так, стоп! Ключевые слова «нож» и «топор». Это значит, что нужна полиция. Ведь мы же не герои-супермены.

Пока ждали приезда полиции, мама больного рассказала, что сынок на учете уже лет десять, инвалид второй группы по психическому заболеванию. Последний раз в прошлом году госпитализировался. Неделю назад, должен был пойти в диспансер на укол пролонга, но никуда не пошел, назначенные лекарства принимать бросил. А мама и не настаивала. Вот и получили то, что имеем. Начались бессонница, тревожность, подозрительность. Ну, а сегодня и до ножа с топором дело дошло.

Минут через двадцать приехали двое полицейских. И мы прямо в осадок выпали, когда увидели, что они без касок и

бронежилетов, без палок резиновых.

– Парни, – говорю – а как же вы пойдете-то? Ведь он же вроде как вооруженный!

– Ничего, все нормально будет! – весело ответил прапорщик.

И действительно, все обошлось хорошо и спокойно. Большой сам открыл дверь, в руках у него ничего опасного не было. Худощавый, высокий мужчина, с лихорадочно блестящими глазами и испуганным выражением лица. Разумеется, я побеседовал с ним.

– Здравствуйте, вас как зовут?

– Женя. – Как-то по-детски ответил он и настороженно посмотрел на меня.

– Жень, что случилось, почему ты такой тревожный?

– За мной следят какие-то... Под дверью поджидали с автоматами. Мне в телевизоре сказали, что нас с мамкой убить хотят.

– А кто хочет убить?

– Диверсанты. Они в подвале прячутся и к нашей квартире приходят. Мне генерал сказал в телевизоре. Ведь я же в разведке работаю, резидентом! Мне через телевизор информацию передают.

– Все понятно. Ну что, Евгений, поехали в больничку, там спокойно, никто тебя не убьет.

– А как я мамку-то оставлю? Вы чего?! – вскинулся больной.

– Ты, главное, не переживай, твоя мама будет под круглосуточной охраной полиции. Никто ее в обиду не даст! – твердо пообещал я.

– Да, да! – подтвердили полицейские. – Мы здесь пока проживем.

– Так ведь я в больнице-то буду долго лежать, месяца два!

– Не волнуйся, мы все это время здесь будем! У нас пистолеты есть, если что, всех диверсантов перестреляем!

– Ну ладно, тогда поехали! – добродушно сказал больной и довольно заулыбался.

До психиатрической больницы доехали спокойно, без вязок, и благополучно сдали болезного.

– Центральная, разрешите обед?

– Разрешаю, приезжайте!

Сдал карточки, быстренько перекусил и, даже не покурив, пошел в комнату отдыха. Лег и почти сразу отключился, как будто провалился куда-то. Разбудил меня фельдшер Гера.

– Ну ты и дрыхнешь, Иваныч! Еле добудился! Поехали на вызов!

Эх ты, почти полтора часа проспал. Хорошо! Теперь вроде и голова посвежее стала.

Вызов был из категории моих нелюбимых: «высокое АД у больной ГБ², 71 год». Но теперь меня никто не спрашивает, нравится – не нравится.

Приехали. Квартира идеально чистая, опрятная. Больная

² АД – артериальное давление. ГБ – гипертоническая болезнь. – *Прим. авт.*

– одинокая пожилая женщина. Давление 180/100 при привычном 140/90, синусовая тахикардия 110. Гипотензивные препараты регулярно не принимает. В поликлинику не обращалась давно. Живет от скорой до скорой. В общем, все, как всегда. Не понимаю я таких людей. Объясняю, что гипертония лечится пожизненно, для этого надо обратиться в поликлинику. Кроме того, нужно соблюдать определенную диету, рассказал, какую именно. Слушает меня вполуха. Дежурно кивает головой. Да, понятно, что мои слова она вообще никак не воспринимает. Мол, мели-мели, языком-то... Сделали ей энап внутривенно, дали метопролол под язык и отчалили. Как говорится, каждый сам хозяин своему счастью...

Карточку писал долго, ведь при гипертонии нужно много всего описывать, обосновывать стадию, функциональный класс, недостаточность кровообращения. В общем, занудство сплошное...

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, Ж., 60 л., психоз, больная учетная.

– Принял.

Дверь нам открыла высокая пожилая женщина в брючном костюме, с прекрасно уложенными волосами и ненавязчивым макияжем. Это была сестра больной.

– Здравствуйте, это я вас вызвала. Сестра моя опять чудить начала...

– Аaaa, это я чудить начала?! Ах ты сволочь такая! Да те-

бя убить мало! – Больная, в потрепанном халате, со всклокоченными волосами, выскочила, как черт из табакерки.

– Так, успокойтесь, пожалуйста! – решительно потребовал я. – Давайте мы с вами присядем, поговорим, а то ведь я не в курсе ваших дел.

– Давайте поговорим, я вам сейчас все расскажу, как надо мной издеваются! – Запальчиво ответила больная.

– Вас как зовут?

– Татьяна Васильевна.

– Вот теперь, Татьяна Васильевна, расскажите, пожалуйста, что случилось, и кто над вами издевается. Только давайте поспокойнее.

– Да как спокойнее-то?! Они у меня квартиру хотят отнять!

– Кто такие «они»?

– Да их банда целая! Они и день и ночь меня караулят, орут под окнами, угрожают, обзывают по-всякому. А сестричка моя, с*ка, заодно с ними! Сегодня она двух китайцев ко мне запустила!

– Вы их видели, этих китайцев?

– Ну, конечно! Вон они спрятались, один за холодильником, другой за шкафом. Сами вон посмотрите и увидите!

– А как же они спрятались, ведь там же места почти нет?

– Так просто, они же плоскими стали и спрятались, что вы, как маленький? – больная искренне возмутилась моей непонятливости.

– Да, действительно, простите, что сразу не догадался. Татьяна Васильевна, нужно поехать в больницу, полечиться.

– Чегооо?! Щщщас, ага, уже поехала! Она вам взятку что ли дала, чтоб меня в дурку упечь?! Вы в доле, что ли?!

– Татьяна Васильевна, давайте по-хорошему – собирайтесь и поехали!

– Ах ты, козел старый!..

А вот с козлом, да еще и старым, я категорически был не согласен!

Короче говоря, вязали мы ее с большим трудом, под оглушительные визг и крики. Сначала она пыталась повалиться на пол, но потом все же пошла. Правда, пока шли к машине, голосить начала:

– Аааа! Ой, помогиите! Ой, убивааают!

Пока ехали в больницу, наслушались проклятий в свой адрес по полной программе. Ну да, нам не привыкать. Много всего выслушивать приходилось. В стационаре приняли ее без проблем.

– Шестая бригада, пишем вызов: адрес такой-то, м., 46 л., боль в груди.

– Принял!

Больной, интеллигентного вида мужчина, лежал на диване.

– Здравствуйте, извините, пожалуйста, что потревожил вас. Что-то сердчишко разнылось, никак не проходит.

– Я ему валерьянки дала три таблеточки, – пояснила

взволнованная жена.

– Ну, валерьянка в данном случае ничем не поможет. Давно болит?

– Да уж часа два, наверное.

– Боль сильная?

– Нет, не сильная, просто ноет и ноет.

На ЭКГ незначительная депрессия сегмента ST, зубец T отрицательный. В общем, налицо признаки ОКС³ без подъема сегмента ST. Однозначно нужна госпитализация.

Но вначале обезболили морфином, сделали и дали все остальное, что по стандарту положено.

Вопреки нашим протестам, больной категорически отказался от носилок и потопал с нами в машину. Ну надо же, засранец какой, нервничать меня заставил! Но ничего, все обошлось благополучно. В сопровождении жены, свезли в кардиодиспансер.

И этот вызов был последним в моей полставочной смене. Ехал я домой и думал: а чем же я теперь от фельдшера отличаюсь? Формально, только дипломом и сертификатом. А по факту, почти ничем. Но, грустные мысли, быстро сменились приятными: ведь завтра меня ждали дача и грибы!

Все фамилии, имена, отчества изменены.

³ Острый коронарный синдром. – Прим. авт.

«Жалобная» смена

Что-то простыл я, расквасился весь. Из носа течет, глаза слезятся, в горле першит, то в жар, то в холод бросает. Погода поменялась, холода наступили очень резко. И никакого бабьего лета, говорят, не предвидится. Но в своей простуде я сам, конечно, виноват. Потащился за грибами, в такой-то холод, да еще и под дождь попал. Температура нормальная, а колбасит всего не по-детски. Противопростудные средства лишь на время состояние облегчают. Сделал напиток из имбиря и клюквы, пил накануне работы, но, к сожалению, без особого эффекта. Уж и супруга-то меня ругнула, мол, совсем себя забросил, связался с этими грибами, как маньяк какой-то. Уйти бы на больничный, да работать некому. Ну, ничего, как-нибудь отработаю свою полставочную смену в наморднике.

Дефибриллятор наш бригадный так и не починили. Сказали, что аккумулятор надо менять, но в план закупок его включают только на будущий год. Теперь так и придется незнамо сколько с автоматической говорилкой валандаться. Да тут еще проблема в том, что электроды у этого автомата одноразовые. А второй комплект в запас не выдают, говорят, мало их очень. Нда... Что-то наш старший фельдшер мышей не ловит. Закупки медтехники организует, а вот про запчасти к ней почему-то забывает.

– Уважаемые коллеги! В семь тридцать состоится учебно-фельдшерская конференция! – раздалось из динамиков. Ладно, посидим, послушаем, может чего полезного скажут.

Все началось скучно. Доклад старшего врача навевал непреодолимую дремоту. Голова, сама того не желая, склонялась вниз, и весь организм норовил предаться Морфею.

– Больной 45 л., острый инфаркт миокарда, кардиогенный шок. Помощь оказана по стандарту. Госпитализирован в кардиодиспансер.

И вот тут я встрепенулся. В конференц-зале прошел возмущенный гул.

– Кто был на вызове? – Прорычал главный, исподлобья глядя на собравшихся

– Врач Анисимов с общепрофильной бригады, – пояснил старший врач.

– Вы здесь, доктор Анисимов? – спросил главный.

– Да, здесь, – пробасил он, – поднимаясь во весь свой немаленький рост с заднего ряда.

– Василий Игоревич, а вы знакомы с приказом Департамента, что всех больных в кардиогенном шоке, мы обязаны госпитализировать в областную больницу?! – главный разве что слюной не брызгал.

– Но ведь состояние было крайне тяжелым, вот я и принял решение везти в ближайшее профильное учреждение, – попытался защититься Анисимов.

– Вот это ваше решение и выйдет нам всем боком! Стра-

ховая эту карточку оштрафует, ну а вы лишитесь стимулирующих! Это надо так, сделать, а? Ведь еще месяц назад мы всех знакомили с этим приказом под роспись, объясняли, инструктировали! И вот, пожалуйста, доктор Анисимов, решил на все забить и поступить по-своему! – И главный звонко хлопнул ладонью по столу.

Но вот, доклад окончен, а главный не торопится говорить свое традиционное «Есть ли вопросы к старшему врачу?». Он вновь, набычившись посмотрел в зал.

– Фельдшер Платонов есть?

– Да, есть. – Поднялся молодой паренек со светлыми волосами и настороженно посмотрел на главного.

– Напомните, как вас зовут?

– Денис.

– Вот и объясни, Денис, куда можно делать магнезию?

– Нууу, внутривенно, внутримышечно... – ответил он.

– А с какого потолка ты взял внутримышечный способ введения, не подскажешь?

– Всегда так делали.

– Всегда делали! – передразнил главный. – Вы должны руководствоваться стандартами, клиническими рекомендациями и инструкциями к препаратам! А не безграмотными действиями своих коллег! И вновь громкий хлопок ладони об стол.

– Ну так вот, Денис, нарвался ты на жалобу от больной, которой ты эту чертову магнезию в мышцу зафиндюрил.

Абсцесс у нее случился, дырень в ягодице. Собирается иск предъявлять. Как тебя защитить, я ума не приложу. Значит так, сейчас зайдешь к нашему юристу, Светлане Геннадьевне, и обсудите с ней все вопросы. Она тебе поможет грамотное объяснение написать. И запомни на всю оставшуюся жизнь, что путь введения магnezии только внутривенный!

– У меня объявление, – встала с места начмед Надежда Львовна. – Завтра, в 12.00 ч., в Медицинском университете состоится межрегиональная конференция «Клинические маски цереброваскулярной болезни». Будут начисляться баллы. Лектор из Военно-медицинской академии, кандидат медицинских наук, доцент. Это касается только неработающих смен!

Да, тема действительно интересная, обязательно надо будет сходить, да и баллы к аккредитации не помешают.

А выходя из конференц-зала, я впервые констатировал факт: а ведь главный-то, когда устраивал взбучку врачу и фельдшеру, был действительно прав! Вот только взять бы и систематизировать все ошибки, которые случаются в процессе оказания скорой медицинской помощи и раздать в виде брошюр-памяток. Но здесь я высовываться не стал, ибо инициатива наказуема. Главный зацепится за эту идею и скажет, мол, давай, Юрий Иванович, действуй, а Родина тебя не забудет! Но я предпочитаю Родине лишний раз глаза не мозолить. Чай я не юноша бледный со взором горящим.

Вышли всей толпой ко входу покурить.

– Говорят, планшетные компьютеры нам скоро выдадут. – Сказал БИТовский врач Петр Михайлович.

– Ха, а как же карты вызова? – не понял я. – Получается, у нас двойная писанина будет, что ли?

– А хрен его знает. Главная какая будет заключаться в том, что нельзя будет исправить ни время, ни лечение. Один раз вписал с ошибкой и все, больше ничего не скорректируешь. А рублем накажут.

– Зашибись, блин! Мало того, что исправить нельзя, так нас еще и стимулирующих лишать начнут в дело и не в дело.

– Дааа... Что-то у нас сплошные чудеса кругом. Прямо волшебство какое-то!

Все наше имущество в сборе, аккуратное, ухоженное, об этом можно и не думать. Молодцы мои фельдшеры, от души работают, без всяких понуканий и разносов, четко и слаженно. Никогда и ничего им напоминать не приходилось. Машина всегда идеально чистенькая, все стоит на своих местах. В общем, любо-дорого посмотреть. Оба высокие, крепкие, идеально выбритые, немногословные, поперек бабки никуда не лезут, с гражданами отменно вежливы. И всегда наглаженная форма на них сидит солидно, строго по фигуре, а не дрягается, как балахоны. В общем, повезло мне с фельдшерами.

Двадцать три бригады сегодня. Фельдшеры уже бунт затевают из-за того, что их поодиночке ставят на линию, вопреки минздравовского приказа 388н. Ну что ж, поживем –

увидим.

В ожидании вызова, сел к телевизору. Думал, что-нибудь интересенького найду. Да куда там! Сплошные мерзкие рожи, под названием «звезды», по другим каналам лживые, пропагандистские политические ток-шоу. Нет, не могу. Не мое это. Брезгую я этими особями... Встал, пошел на кухню, чайку попил, потом покурить сходил. С коллегами на улице потрепался. А тут и вызовок подоспел: адрес такой-то, М. 32 г., без сознания.

У подъезда трехэтажного дома, нас встречала женщина средних лет, одетая в синее болоньевое пальто и красную вязаную шапочку. Как оказалась, она была хозяйкой квартиры, которую сдавала двум молодым людям. Платили исправно, не конфликтовали с соседями, разговаривали всегда вежливо. Чем они занимались, она не интересовалась. Сегодня пришла она проверить порядок в квартире. Звонила, стучала, но в ответ тишина. Дверь открыла своим ключом. А на полу в комнате увидела лежащего совершенно голым квартиранта.

– Ну их же двое там должно быть. Куда второй-то подевался? – недоумевала она.

– Ладно, пойдёмте, сейчас посмотрим.

В квартире опрятно, на притон совершенно не похоже. Полы идеально чистые, на стенах прекрасные обои, все вещи лежат на своих местах. Никаких следов борьбы, никаких следов крови. Ну что ж, надо посмотреть. Хотя возможно,

что второй свалил куда-то, увидев, что друг очутился.

– Иваныч, вон, смотри! – Гера показал мне в открытую дверь ванны, лежащее на кафельном полу тело в спортивном костюме.

Неподалеку от тел, нашли два использованных одноразовых шприца. У обоих, на локтевых ямках, многочисленные следы от инъекций. Вот и пазлы сошлись. Помощь оказывать, к сожалению, некому. Уже имеется выраженное трупное окоченение, трупные пятна, исчезающие при надавливании, через 30 секунд восстанавливают свою окраску. Смерть наступила не менее четырех-шести часов назад. Видимых признаков насильственной смерти нет. Но судебный медик, применит свои методы и выводы сделает более профессионально.

Минут тридцать ждали полицию. Приехали двое постовых, сказали, что будут охранять место происшествия до приезда следственно-оперативной группы. И, предварительно записав наши данные, отпустили нас с миром. Доэкспериментировались парни... Ну и ладно, а мы отчалим. Надо еще карточки писать и протоколы констатации. Фффуххх! Дописал, наконец. И вот теперь, нужно объявлять, что бригада свободна и готова к дальнейшим подвигам.

– Шестая бригада, свободна?

– Пишем вызов: адрес такой-то, Ж. 37 л., учетная, психоз.

– Принял!

На этот раз, нас никто не встречал. Дверь открыл невысо-

кого роста, плотный, полноватый молодой мужчина, одетый в красную футболку и черные спортивные штаны.

– Вон, смотрите, у нее крыша едет! Забирайте ее в дурку, к чертовой матери! – Мужика аж трясло от злости.

– Так, давайте пообщаемся спокойно. Вы кем ей приходитесь?

– Муж, ну точнее, гражданский муж.

– Вот теперь спокойно и внятно расскажите нам, что у вас здесь произошло?

– Она на учете уже лет семь...

– А с чем на учете?

– А я... хрен его знает, но с головой у нее проблемы конкретные.

– Ну, так в чем же конфликт-то вышел?

– Она идеей задалась в Беларусь уехать на постоянное место жительство.

– Так, и что?

– Как что?! Продать квартиру и уехать на деревню к дедушке? – Из рта супруга вылетали мелкие капельки слюны, а потому, я от него отстранился.

Девушка сидела в кресле и плакала. Ухоженная, с ясными глазками, аккуратной стрижечкой коротких русых волос. Лицо свежее, доброе и немного наивное.

Попросил я мужика скрыться с глаз долой, что он и исполнил с превеликой неохотой.

– Здравствуйте! Вас как зовут?

– Маша.

– Расскажите, Машенька, что случилось.

– Да понимаете, захотелось мне в Беларусь переехать на-совсем. В деревню. Вы не подумайте, я не прожектерка какая-то! Я все уже выяснила и на счет жилья и работы. Я ведь медсестра, здесь в стационаре работала. Работа у меня будет и подъемные неплохие дадут, жильем обеспечат, там у них все четко. Зато у меня будет уверенность в завтрашнем дне. Тем более, я же не с пустыми карманами туда собираюсь, есть у меня деньги, – сквозь слезы, рассказала маша.

– Хорошо, Машенька. А ваш супруг сказал, что вы семь лет на учете стоите у психиатра. Можете объяснить, что случилось?

– Ой, да я у психиатра только в детстве наблюдалась. У меня был однократный судорожный припадок. Лет шесть мне тогда было. Какими-то таблетками меня покормили и больше ничего подобного не было!

– Еще вопрос на засыпку. Если я правильно понял, что в Беларусь вы хотите переехать без супруга.

– Я ему предлагала. Но он в ответ только оскорбляет повсякому. Хотя, какой он мне супруг. Так, сожитель. Он мне просто никто. Из себя хозяина строит, а сам только на всем моем живет.

Ну что ж, ничего я криминального не вижу. Какие здесь психические расстройства? Девушка весьма четко и последовательно рассказывает свои дальнейшие планы. Никакой

нелепицы я не углядел. Назвать ее планы пустым прожектерством, у меня язык не поворачивается. Обманов восприятия не обнаруживает. Нет оснований для госпитализации, нет однозначно, твердо, железно.

– Маша, а вам сейчас есть к кому поехать?

– Да, к родителям. Вот только он меня никуда не выпустит.

– Ну, это мы берем на себя!

– Так, уважаемый! – сказал я, обращаясь к супругу. – Она сейчас едет с нами в больницу.

– Наконец-то! Я же вам говорил, а вы кочевряжиться начали. А мне с ней можно?

– Нет, не можно. У нас места нет в салоне.

Ну все, вроде отстал.

– Маша, так ведь вам придется очень много документов собирать, там их целый список. А ведь если вы приедете и скажете, мол, дайте мне гражданство, то вас просто пошлют подальше.

– Я этот список почти наизусть знаю. Найму адвоката, он поможет.

В общем, увезли мы девушку к ее родителям, благо тут совсем недалеко было.

– Ну ты и авантюрист, Старый! – Уважительно сказал Гера.

Да, этот авантюризм мне может выйти боком выйти. Лишусь я стимулирующих и выговор отгребу.

– Шестнадцатая бригада, вы свободны?

– Свободны.

– Что-то очень долго вы на вызовах сидите!

– Пишем вызов! Адрес такой-то, Ж. 31 г., порезала вены.

– Принял, шесть.

Крошечная комнатка малосемейки, вся залита кровью.

Больная, с растрепанными волосами, крашенными в радикально-черный цвет, сидит на неприбранной постели, тупо уставившись перед собой и не замечая нашего присутствия. На локтевых сгибах обеих рук – кровоточащие порезы.

– Здравствуйте, уважаемая! Что случилось-то?

– Ничего... Вены порезала... – совершенно без эмоций

ответила он.

– Но ведь не просто так вы их порезали, значит, что-то случилось?

– Случилось... Живу, как собака брошенная, надоело мне все. На сына родительских прав лишили, друг бросил. Кому я такая нужна?

– А нас кто вызвал?

– Я и вызвала. Страшно стало...

Мои фельдшеры обработали раны, наложили сухие асептический повязки.

Давление 110/70, при привычном 120/80. Нда, низковато мальчика... Гера наладил капельницу, пролить надо болезную.

– Ну что, Ириш, давай в больницу собираться.

– Ладно, поехали... – так же вяло и без эмоций ответила

больная.

От кровопотери ее пошатывало, а потому, до машины вели под руки. В стационаре приняли без проблем.

– Шестая бригада, пишем вызов: адрес такой-то, М. 45 л., психоз, учетный.

– Принял.

Родители больного рассказали, что такое состояние началось еще с вечера. Бесцельно ходит по комнате, перебирает вещи. Застывает на одном месте с поднятой ногой, как цапля. Время от времени повторяет: «Я не туда, не надо мне, высокочастотное поле».

Сам больной, высокий, солидный мужчина сорока пяти лет, с седыми висками, одетый в спортивный костюм, медленно бродит взад-вперед, пристально вглядываясь мне в лицо.

– Николай Николаевич, присядьте на минуту, поговорите с нами! – прошу я его.

Но тот, как будто и не замечает.

– Николай Николаевич, что вас беспокоит, что вас тревожит? – повторно спрашиваю я его.

– Торсионные поля. Ремонт надо делать. – Наконец-то дождался я ответа. – Там под полом все скрыто. Током простреливает.

– А почему других не простреливает, а только вас?

– Это против меня направлено. Мне сказали, что родителей нужно ликвидировать, и тогда все нормально будет.

– А кто все это сделал?

– Есть группа разработчиков. Я в нее тоже когда-то входил, но у нас конфликт случился. Они боевые поля разрабатывали, а у меня цель – мирная инженерия. Вот они и изводят меня теперь по-всякому. Их шестеро, а я один. И этим все сказано.

– Ну что, Николай Николаевич, нужно поехать в больницу. А тем временем, все торсионные поля здесь уберут специалисты.

– Поехали. Мне только датчик надо с собой взять.

– Какой датчик?

– А вот! – И показал обломанную плату от какого-то электроприбора.

– Хм, боюсь, что в приемнике это не пропустят.

– Хорошо, я сниму с нее мысленную копию, – согласился больной и пристально посмотрел на штуковину.

– Вот, все, теперь поехали! – удовлетворенно согласился он.

– Центральная, шестая свободная, разрешите обед?

– Разрешаю, шестая, приезжайте!

Сломалась микроволновка, будь она не ладна! Пришлось ковырять ледяные макароны с котлетой. Удовольствие то еще! Чайник вскипятили на плите. В общем, обед получился так себе. Пошел подремать, ну ее на фиг.

– Шестая бригада! – заорал динамик дурным голосом.

Вот и подремал... «Адрес такой-то, Ж, 27 л., психоз, боль-

ная не учетная».

Муж и мама больной пребывали в растерянности. Сама больная пребывала в себе, и судя по всему, ей было хорошо. Она хихикала и пребывала с кем-то невидимым.

– Не могу понять, что с ней случилось-то? – В растерянности сказал муж, молодой, крепкий мужчина. – Ну да, выпивала она недели две. На пиво подседа. Вроде всегда нормальная была, веселая, а вчера с вечера крышу снесло капитально. Теперь хихикает, разговаривает с кем-то.

– Может, в пиво чего подмешивают? – предположила мама.

Молодая, симпатичная женщина, с правильными чертами лица, была увлечена невидимым собеседником.

– Хи-хи, да ладно! Чо, прямо здесь, что ли? – игриво говорила она.

– Лена, а вы с кем сейчас разговариваете? – поинтересовался я.

– Иди на..! – отмахнулась она от меня и стала с улыбкой к чему-то прислушиваться.

– Лена, отвлекитесь на минутку, поговорите со мной! – не отставал от нее я.

– Не могу я, хи-хи! Он мне не дает! У меня мыслей своих нет, он мне мысли меняет. Говорит, что я дура и меня учить надо!

– А кто такой «он»?

– Он мой друг!

– А где он сейчас?

– У меня в голове. Мы с ним сексом занимаемся!

– Лена, нужно поехать в больницу!

– Чегооо?! Пошел ты на..!

– Хи-хи-хи! Ой, ну ты дурак, что ли? – это уже не мне.

Она вновь занялась своим невидимым собеседником.

– Лена, собирайтесь, пожалуйста, нам надо ехать! – настойчиво повторил я.

– Хи-хи-хи! Я слушаю тебя и пошел он на..! – было ответом.

Ну что ж, вязки у нас наготове. Сопротивлялась она, как бешеная тигрица. Гере с Толиком лица поцарапала. Мама плакала. Муж был в шоке. Кое-как вывели к машине и завели в салон.

– Это что у нее, «белка»? – поинтересовался супруг.

– Нет, не похоже, – сухо ответил я. А про себя подумал, что скорее всего дебют шизофрении.

Всю дорогу она блаженно улыбалась и пребывала в своих мыслях. А в приемнике она внезапно возбудилась, стала агрессивной. Идти в отделение категорически не хотела. Ну что ж, так и пришлось моим парням сопровождать ее и там укладывать на вязки.

– Шестая бригада, вы свободны?

– Свободны.

– Пишем вызов: адрес такой-то, у ребенка высокая температура. М., 5 л.

– А что, педиатрические бригады повымирали?

– Так, Шестая, поезжайте, без разговоров! И поаккуратнее, там мама скандальная!

– Принял, шесть!

Вот ведь зараза! Скандальная, надо же! Она еще не знает, какой я бываю скандальный!

Дверь открыла молодая женщина с недовольным лицом.

– Ой, а что это как вас много?! – скривилась она. – Давайте все бахилы надевайте!

Объяснять ей, что мы психиатрическая бригада, мы не стали. Понятно, почему. Но бахилы послушно напялили.

Ребенок был веселый и непоседливый.

– Дядя, а что у вас на шее? – спросил он меня

– А это трубочка, чтоб тебя слушать!

– А это не больно?

– Нет, совсем не больно.

Температура 37.3°, горлышко слегка красноватое, в легких все чисто. Ребенок активный, веселый.

О чем я и рассказал маме.

– Так, назначьте теперь лечение! – потребовала она.

– К сожалению, скорая лечение не назначает. Вызывайте утром педиатра из поликлиники.

– Так, не надо меня поучать! Вы обязаны оказать помощь и назначить лечение!

– Повторяю вам еще раз: лечение мы не назначаем. А помощь в данном случае никакая не требуется.

– Хорошо, я на вас жалобу напишу, что вы пьяный приехали!

– Ну как же так? И это после всего, что между нами было? – черт меня дернул за язык.

– Чтооо?! Ах ты пьянь старая! А ну-ка, вон отсюда, пока я полицию не вызвала!

Долго нас уговаривать не пришлось. Зато я своим поганым языком задал себе работы. Поехали на Центр к старшему врачу за направлением на наркологическое освидетельствование. Ну а то как же? Ведь как пить дать, эта зараза жалобу напишет. А потом доказывай, что ты не верблюд. В общем, поехали мы в наркодиспансер. Пока суть да дело, времени уже восьмой час пошел. Зато на душе спокойнее стало. Пусть теперь пишет, что хочет!

Вот на этом и закончилась наша дурная смена. Не успели приехать, как меня тут же дернули к старшему врачу.

– Ну что, Иваныч? Две жалобы на тебя! Первая за то, что женщину не забрали в больницу.

– Так ведь она нормальная!

– Хорошо, объяснение напишешь.

Вторая – мамашка ребенка написала, что ты на вызов пьяный приехал и нахамил вдобавок!

– Нет проблем! Вот заключение нарколога.

– Молодец, Иваныч, грамотно обставился!

Вот и кончилась, наконец-то сегодняшняя дурацкая смена! Надоело все до глубин души! Ехал я домой и размышлял:

какая же все-таки натура у людей, хлебом не корми, а дай только жалобу написать! Неужели самим-то не противно?

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Белогорячечное

Холод и промозглость. Да еще этот чертов насморк. Надоело с красным носом ходить. Да еще и вопреки обещаниям, за опятами вчера ходил. Корзинищу гигантскую притащил. Ирина моя, как увидела, так и обалдела. Вот, говорит, сам и разбирай, чисти и вари! А я тебя предупреждала, чтоб больше никаких грибов! Вот так и занимался этими грибами до позднего вечера. А утром на работу рано утром потащился, не выспавшийся и простуженный.

Укладка не заправлена. Подменный фельдшер из прошлой смены забыл и со спокойной душой свалил домой. Пришлось моим Толику с Герой возиться. Кислород весь высвистали. А заправщик только завтра явится. Придется портативным ингалятором пользоваться, а кислорода-то там с гулькин нос. Наши шины в стационаре оставили. Пришлось подменные получать. В общем, бардак полный.

– Уважаемые коллеги! В семь тридцать состоится фельдшерская конференция! – прозвучало из динамика.

Ну, опять сидеть носом клевать... И не идти нельзя. Теперь всех неявившихся записывают, а потом наказывают рублем. Доклад старшего врача навевал дремоту и скуку. Вот, наконец-то закончил. Вместо того, чтобы спросить, есть ли вопросы и отпустить народ, главный, грозно уставился в зал.

– Фельдшер Курников здесь? – спросил он тоном, не предвещающим ничего хорошего.

– Здесь, – отозвался он.

– Ну, тогда объясните свою запись в карте вызова: у больной ухудшение ХОБЛ, вы ставите состояние средней тяжести. И тут же пишете: сатурация 98 %, дыхание везикулярное. Лечение – ингаляция кислородом. Это как? Если у нее все замечательно, то откуда взялось ухудшение ХОБЛ и состояние средней тяжести? Почему все лечение заключается только в оксигенотерапии?

Фельдшер Курников покраснел и молчал. Ну, а что тут скажешь, если откровенные глупости написаны?

– Так, карту переписать сегодня же! – приказал главный. А на комиссии по стимулирующим, накажем вас финансово!

– Теперь фельдшер Анохин! Вы здесь?

– Да! – пробасил он и опустил глаза вниз.

– Вам знаком порядок обращения с медицинскими отходами?

– Ну да, знаком...

– Расскажите нам его, пожалуйста!

– Ну, иглы и скарификаторы складываем в непрокальваемый контейнер. Все остальное – в желтый пакет. После этого сдаем в стерилизационную.

– Правильно. А вы что сделали?

– Ничего...

– Вы сложили в пакет иглы, использованные перчатки и

шприцы и бросили в мусорное ведро! Все это под камеру видеонаблюдения. Уборщица, когда выбрасывала мусор, укололась иглой. В общем так, объявляю вам выговор, на комиссии по стимулирующим еще и денег лишитесь. А не дай у уборщицы заражение обнаружится, то разговор с вами будет более суровый!

– Все, уважаемые коллеги, все свободны!

Только сейчас Гера обнаружил, что разорвались наши мягкие носилки. Час от часу не легче. Ведь не сегодня же на них дыра-то появилась, но прошлая смена молчала, как партизаны. Пошел к старшему фельдшеру за новыми. Скривила физиономию, но все же выдала. Новьё, прямо в чехольчике! Пока сутились, вызов дали: «Адрес такой-то, на обочине проезжей части, М., 55 л., без сознания».

Может, конечно, и плохо человеку, но почему-то думается на 99,9 %, что банальная пьянь.

Ну точно, лежит красавец в самой грязи, лыка не вяжет. Весь изгвазданный, пытается подняться, но безуспешно. Рожа грязная, возраст так просто и не определишь. Ну что ж, придется лезть в грязюку, доставать болезного. Носилки одноразовой простыней накрыли, в салон задвинули. Отогрелся, освоился, материться начал, да ручонками махать. На вопросы не отвечает. Точнее, отвечает, но исключительно матом. Ну что ж, в карточке написал «неизвестный». Зараза, брюки свои перепачкал, супруга только вчера постирала и погладила! Сдали в вырезатель.

– Центральная, шестая свободна!

– Пока сюда, шестая!

Нет, доехать, конечно, не даст.

И точно:

– Шестая бригада, останавливаемся, пишем вызов: «Адрес такой-то, Ж., 24 г., гинекологическое кровотечение».

– Принял!

Девушка с приятными чертами лица. Заплаканная. Беременность 8 недель, желанная. Сегодня начались кровянистые выделения, тянущая боль в животе. Угроза прерывания налицо. Как мог успокоил. Увезли в гинекологию.

– Шестая бригада, вы свободны?

– Свободны.

– Пишем вызов: адрес такой-то, Ж., 57 л., психоз, больная не учетная.

– Принял.

У подъезда старенькой, облезлой трехэтажки, нас встречала соседка, пожилая женщина с седыми растрепанными волосами, в стареньком бордовом плаще.

– У Вальки крыша поехала, допилась до «белки», вон в окно орет!

– Ничего не слышно. Где орет-то? – спросил я.

– Да у нее окна на ту сторону выходят! Она и диван весь изрезала, все искала кого-то!

– Ладно, сейчас посмотрим.

Больная нас поджидала на лестничной площадке. В спор-

тивном костюме, крашенная под блондинку.

– Ой, помогите мне, пожалуйста! Я в квартиру боюсь зайти, убьют они меня!

– Кто вас убьет? – спрашиваю.

– Двое домовых у меня поселились, мужик с бабой, маленькие такие, злые! Они в диване спрятались. Я их выгнать хотела, диван порезала, а они не вылезают, убить грозятся!

– А в окно зачем кричала?

– Так я помощи просила, а как назло, никого не было. Вот спасибо соседке, пришла, не испугалась!

– Ну, пойдёмте, посмотрим на ваших домовых! – говорю.

– Ой, ой, я боюсь!

– Не бойтесь, вы видите, нас трое мужиков, как-нибудь справимся!

Прошли в квартиру. Мама дорогая! Диван весь изрезан вдрызг, постельное бельё на полу валяется. Кресло перевернуто. Окно настежь открыто.

– Вон, вон, слышите, они орут из дивана! – заголосила больная.

– Ничего не бойтесь! Мы вас сейчас в безопасное место увезем! – сказал я. – А пока вас не будет, мы всю нечисть от вас выгоним!

– Ну поехали уже скорей, пока они не вылезли! – заторопила нас больная.

– Сейчас поедём, не спешите, лучше сумку с собой соберите. Передевашку, тапки, мыло, шампунь.

– Сейчас все соберу, вы только не отходите от меня!

– Не отойдем, не бойтесь!

– А вы давно последний раз выпивали-то?

– Да уж два дня, как ни грамма не пью.

– А до этого?

– Ну недели три... Ой, а можно я сейчас выпью, а? – встрепенулась больная.

– Никаких выпить! Иначе не повезем никуда, здесь оставим с домовыми! – пригрозил я.

Ишь, чего удумала! В наркологии ее в пьяном виде не примут. И будут у нас пустые покатушки.

– Лида, ты уж присмотри за квартирой-то, пожалуйста! – обратилась она к соседке.

– Ладно, Валя, не переживай, присмотрю обязательно. Ты давай, ключ ищи, а то дверь так и останется нараспашку.

Еще минут тридцать искали ключ. Нашли наконец-то на полу в прихожей.

Да, это был тот редкий случай, когда больная галопом неслась в машину, опережая нас. В машине она к чему-то напряженно прислушивалась и все норовила заглянуть под носилки. Но доехали без приключений, сдали болезную в наркологию.

Карточку дописать не дали.

– Шестая бригада, вы свободны?

– Свободны.

– Тогда пишем вызов: адрес такой-то. М. 43 г... психоз,

больной не учетный. Вызывает полиция.

– Принял.

У подъезда девятиэтажки, стояла милицейская «Газель». В квартире нас ждал цирк с клоуном. Открытая дверь в маленькую комнату была забаррикадирована журнальным столиком и гладильной доской. Виновник торжества просил двоих полицейских застрелить террористов и собаку, которая ползала под ковром. Рядом плакала жена больного и умоляла его прекратить позориться.

– Мужики, вон, вон она под ковром! Застрелите ее! – панически орал больной.

– Стрелять в помещении мы не имеем права! – ответил полицейский.

– Да вы загляните туда, в комнату! Там террорист сидит в маске. У него гранатомет! Он же сейчас всех нас положит!

– Ты сам туда загляни и убедись, что там никого нет! – спокойно сказал полицейский.

– Да меня там сразу в заложники возьмут, вы чего?! Давайте, спецназ вызывайте! – Больной весь трясся от страха и паники.

– Спецназ уже здесь. Вон трое в голубой форме, – ответил полицейский.

– Так это же скорая! Какой из них спецназ?! – возмутился больной.

– Это замаскированный спецназ! – убедительно сказал полицейский.

– Да, да! – подтвердил я. – Мы тебя сейчас в безопасном месте спрячем, а сами вернемся и всех обезвредим!

– Допился, сволота поганая! – вмешалась заплаканная жена.

– Чо я допился-то? Я уже третий день не пью, как стеклышко! А ты мне вообще никогда не верила, падла! Ты в морду, что ли захотела?

Конфликт грозил перерасти в безобразную драку. Больного заставили переобуться и одеться и быстренько увели. Он не сопротивлялся. Пока ехали в наркологию, опасался погони. И отправился он напрямиком на вязки.

– Центральная! Разрешите обед шестой?

– Сначала травму головы посмотрите, тут рядышком, адрес такой-то, гараж № 116, М. 47 л., алкогольное опьянение.

– Принял!

Да, тут действительно рядышком, гаражный кооператив. В распахнутом настежь гараже, находились три основательно поддатых мужика. Во лбу у третьего торчал обломок диска болгарки. Крепко торчал. Пострадавший был перепуган.

– Мне что, череп распиливать будут? – дрожа всем телом, спросил он.

– Я не хирург, – говорю, – сейчас привезем в нейрохирургию и там видно будет.

– Слышь, командир, давай я выдерну, да и всех делов-то! – предложил один из поддатых друзей пострадавшего.

– Ну, как выдернешь, так и убьешь его сразу! Так что, даже не думай! – ответил я. – Вы, парни, давайте, не мешайтесь тут, мы же ему помощь должны оказать!

Обезболили, прямо на обломок диска наложили асептическую повязку и увезли в нейрохирургию. Удивительно, в сознании, даже разговаривать может. Видать, осколок в лобной кости застрял и в полость черепа не проник.

– Центральная, шестая свободна, разрешите обед!

– Приезжайте!

Есть совершенно не хотелось. А во всем простуда проклятая виновата. Отдал свои макароны с гуляшом Гере с Толиком. А сам чайку горяченького, крепенького бокал выпил. В носу и в глазах щиплет, кашель, чихота. Отвратительное состояние. Уж скорей бы вызов дали, когда работаешь, не замечаешь этого безобразия.

– Шестая бригада! – раздалось из динамика.

Толик принес карточку с вызовом. «Адрес такой-то, М., 34 г., психоз, больной не учетный». Ехать далеко, в деревню Мясниково. Минут тридцать в один конец. Ну что ж, как говорится, солдат спит, служба идет. Дорога отвратительная, сплошные выбоины. Какой там тридцать минут! Почти час ехали! Вот, наконец-то, пришкандыбали. Добротный, большой частный дом. Жена больного, дама дородная, широколицая, боевая, одетая в спортивный костюм.

– Вон, идите туда, допился скотина! – басистым голосом скала она. – Убила бы, сволочугу!

Мы прошли в комнату. Маленький, тощенький, небритый мужичонка, в клетчатой рубашонке, сидел на карачках возле обеденного стола и кочергой кого-то из-под него выгонял.

– Выходи, мразота! Я ж тебя изуродую сейчас! Ты не понимаешь, что ли?!

– Здравствуйте, уважаемый! Ну и кого вы там гоняете? – поинтересовался я.

– О, а вы чего тут делаете? – удивился мужик – С женой, что ли, плохо?

– Нет, мы к вам приехали. Что у вас случилось-то? Кто там под столом у вас спрятался?

– Да сосед Женька Громов залез туда и сидит. Нагишом сидит и зубы скалит!

– Да ты понимаешь, что глюки у тебя, полудурка, – крикнула жена.

– Сама ты полудурок! Вон, иди, погляди сама и увидишь! – огрызнулся мужичонка.

Заглянул я под стол и, как ожидалось, никого там не обнаружил.

– Да вон он в угол забился, посмотри повнимательнее! – не отступал он.

– Так, уважаемый, давай собирайся и в больничку поедем. Давай-давай побыстрее, чего ты на меня уставился?!

– Да никуда я не поеду, чего ты до меня докопался-то?! – вытаращил он на меня злые глаза.

– Ах ты срань такая! – произнесла супруга и, скрутив сво-

его мужичонку не хуже заправского спецназовца, потащила его к нашей машине.

– Таня, Таня, ну прекрати! Таня, ну дай хоть мне обуться-то! Да я сам залезу, не надо, мне больно! – жалобно кричал мужичонка.

Но Таня отстала от него только после того, как затащила его в салон машины.

Дааа, вот это женщина, вот уж действительно, коня на скаку остановит!

Больной попросился лечь на носилки и всю дорогу лежал тише воды, ниже травы. Я уж переживать начал, что не примут его. Но ничего, в приемнике он повторил историю про голого мужика под столом, и у дежурного нарколога вопросов больше не возникло.

– Шестая бригада, пишем вызов: «Адрес такой-то, М. 59 лет, без сознания».

– Принял!

Подъехали к «хрущевке». В однокомнатной квартире грязюка беспросветная, обои в каких-то пятнах, облезлые. Вышел небритый, лохматый мужик с голым торсом и в грязных спортивных штанах.

– Парни, там Костик третий день не просыпается! Как лежал на боку, так и лежит. Помер, что ли?

Костик, точнее труп Костика, лежал под грязным байковым одеялом. Лицо распухло, на раздутом животе отчетливо проступила трупная зелень.

– А ты сам-то, не догадался, что он мертвый уже третий день? Смотри, он уже разлагаться начал.

– Да я это... мужики, забухал я. Сегодня только протрезвился и вам позвонил.

– Кто из вас хозяин?

– Он! – кивнул мужик на труп.

– Знаешь, где его документы?

– Да вон вроде тут, в серванте паспорт был.

– Ну так доставай!

– Вот, держите.

– Крупин Константин Иванович. С фотографии смотрел солидный мужчина, с безупречной укладкой светлых волос, с правильными чертами лица. Да, смерть никого не красит...

– А ты чего здесь делаешь?

– Меня жена выгнала, вот Костик пожить пустил.

– Ну что ж, будем ждать полицию.

– Полицию?! – ужаснулся мужик.

– Ну да, а чего ты так испугался-то?

– Да понимаете, мужики, в розыске я! Мне никак нельзя в ментовку! Мужики, отпустите меня, а?

– Ну уж нет, – говорю, – никаких отпустить! Будешь дергаться, скрутим и свяжем!

– Да ладно с вами! – расстроился он и сел на табуретку за кухонный стол.

Минут через сорок приехали полицейские.

Ну, наконец-то, мы свободны! Господи, ведь как же нужно

опуститься человеку, чтоб бухать, когда твой корешок помер и уже разлагается. Не понимаю...

– Шестая бригада, вы освободились?

– Да, освободились.

– А чего вы там высиживали-то?

– Полицию ждали.

– Пишите вызов: адрес такой-то, М. 46 л., боль в груди.

– Принял!

Открыла жена больного, бледная, обеспокоенная.

– С сердцем у него плохо, уже часа два не проходит!

Больной лежал бледный, лоб покрыт потом. Артериальное давление 120/70, при привычном 130/90 мм. На ЭКГ картина острого переднебокового инфаркта миокарда. Оказал помощь по стандарту, обезболит наркотиком. На носилках снесли в машину и повезли в областную больницу. Пока везли, задергался в судорогах. Фибрилляция желудочков. Ну вот и испытываем сейчас в деле автоматическую говорилку. Наклеили электроды. «Идет анализ ритма. Не прикасайтесь к пациенту!» – сказал дефибриллятор. «Рекомендован разряд». Отходим от больного. Жму кнопку «Разряд». Больной дергается, на мгновение выгибаясь дугой. Есть ритм! Живой! Довезли благополучно.

– Шестая бригада, быстро пишем вызов!

– Что за спешка-то?

– Падение с высоты, рядышком с вами. Адрес такой-то, пострадавший на газоне со стороны двора.

– Принял!

Уже толпа собралась. Двое молодых ушлепков снимают на смартфоны. Даже не приближаясь видно, что перед нами труп. Описывать его я не буду, чтоб не обвинили в распространении шок-контента. Скажу только, что зрелище ужасное и совершенно непотребное. Описал в карточке, накрыл одноразовой простыней.

– Эй, ушлёпки! Хотите, я вам ваши смартфоны поразбиваю?! А потом можете бегать и жаловаться, что вас обидели! – вышел я из себя и уже хотел реализовать свою угрозу, но они быстренько свалили.

И опять ждали полицию... Минут сорок тусили, отгоняя зевак. Вот, приехали наконец-то и отпустили нас. И на этом моя смена закончилась.

Когда домой пришел, Ирина заявила, что на дачу завтра поедем, но никаких походов за грибами!

– Ну и ладно, – говорю, – тогда я с Федором напьюсь!

– Ах, ты меня еще и шантажировать будешь, алкаш?!

– Ириш, да не шантажирую я! Ты же сама понимаешь, что мужик не кактус, он пить должен!

– Эх и дурак ты, Юра! Ну ты же знаешь, что тебе ни капли нельзя?

– Нет, Ира, самогон в малых дозах полезен в любых количествах!

– Ладно уж, пейте, но только под моим присмотром!

– Вот и договорились, Ириш!

И настроение мое резко пошло в гору!

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Вечер не был томным

Вот и подходят к завершению дачный и грибной сезоны. Грустно расставаться. Но еще грустнее от мысли о том, что в скором времени придется и здоровьем своим заниматься. А то ведь супруга время от времени укоряет меня, что, мол, не хозяин ты своему слову, еще с весны обещаешь онкологам отжаться, но только отговорки ищешь.

А сегодня очередная смена моя полставочная. Над предложением главного вернуться к полной ставке я подумал. И хоть сию минуту вернулся бы. Ведь не хватает мне скорой. Это наркотик для меня, с которого уже не слезть и не заменить никакими суррогатами типа дачи и леса. Но супруга моя как всегда затянула свою любимую песню, мол, сначала прооперируйся, восстановись, а потом уже о своих ставках думай!

Конференции сегодня не было. Вместо нее – учеба по работе с медицинской аппаратурой. Проводил ее врач реанимационной бригады Сергей Васильевич. Вот это – по-настоящему нужно и интересно. Тем более, что уважаемый коллега – великолепный лектор, умеющий рассказать просто о сложном.

Наконец-то, наша бригада в своем сплоченном составе: фельдшер Гера с больничного вышел. Как всегда бодр, энергичен и оптимистичен.

А бригад-то сегодня весьма приличное количество: аж двадцать пять! Много людей из других смен на подработки вышло. Ну, а еще бы не выйти, ведь до главного врача, наконец-то, дошло, что работников материально заинтересовывать нужно. Теперь, как и раньше, при «старом» главном враче, кроме доплаты за совместительство, стали выплачивать и дополнительную денежку, типа премии. И вот тогда работники сами, добровольно стали совмещать, без противоправных принуждений. Да, определенно наш главный меняется в лучшую сторону, хоть и несколько запоздало. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда...

Долго нас не вызывали. Вместе с реанимационной бригадой чай пили, курили, телевизор смотрели. Но вот динамик прокричал сразу и нас, и их. Нам дали «без сознания в торговом центре «Глория», М. 50 л.», им – ДТП со сбитым пешеходом. Предчувствие какое-то во мне зыграло, что вызов серьезный, а не к перебравшему пьянице. Велел водителю спецсигналы включить. Долетели за шесть минут.

Встретивший нас охранник скомандовал:

– Мужики, давайте бегом за мной!

Побежали. Прибежали. И бесполезно. В парфюмерном магазине лежал мертвый мужчина. Рядом – молоденькая девушка-продавец, всхлипывающая, с мокрым от слез лицом. Говорит, испугалась сильно: подошел он к ней, вроде чего-то спросить, но вдруг резко упал, как подкошенный.

Как оказалось, вызвали нас не сразу. Продавец сначала за

охраной побежала. Потом охранник попытался его в чувство привести, хлопая по щекам. Не получилось. И только после этого, видать, дошло, что вообще-то, нужно скорую вызывать. К великому сожалению, такой случай не первый. Начинают кого-то звать, кого-то искать, кому-то звонить, пытаться самостоятельно привести в чувство, а драгоценное время теряется...

О причинах смерти можно только гадать. Кожные покровы бледные. Видимых телесных повреждений нет. В наличии симптом Белоглазова – один из ранних признаков биологической смерти. Никаких документов при нем не нашли. Описал я в карте вызова констатацию неизвестного с примерным возрастом, парни мои укрыли тело одноразовыми простынями, дождались приезда полиции. И на этом наша миссия была завершена.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: «Адрес такой-то, АЗС, в магазине, психоз, Ж. 39 л., больная учетная».

– Принял!

Увиденное нами было весьма примечательно: мужчина изо всех сил удерживал бесконечно визжащую женщину с растрепанными волосами, схватив ее в охапку. Пикантности ситуации добавляла абсолютно голая нижняя часть тела дамы. Зато верхняя часть была одета прилично: в короткую коричневую кожаную курточку, из-под которой проглядывалась темная водолазка.

– Лена, да успокойся ты, в конце концов! Вон к тебе врачи приехали! – В сердцах крикнул мужчина.

– Врачи приехали! Приехали! Трое! – громко прокричала больная, больше не предпринимая попыток вырваться. – Вон красная машина приехала! Он заправляется будет! Вон продавец стоит! Конфеты лежат на витрине!

– Мужики, ну помогите уже, поддержите ее! – взмолился мужчина.

– Ладно, пойдемте к нам в машину, там все расскажете.

Гера с Толиком взяли больную под руки и повели. Как ни странно, сопротивляться она не стала, в салон машины села без принуждений. Но кричать, комментируя все вокруг, продолжала. Теперь, когда больная осталась под надежным контролем моих фельдшеров, мы с мужчиной решили поговорить на улице, дабы не отвлекаться на крики.

– Я ее муж. Она на учете уже год. В прошлом году лежала почти два месяца. Ей тогда поставили... как его... шизофак... шизофик...

– Шизоаффективное расстройство? – подсказал я.

– Во-во, точно! Она и таблетки потом пила, к психиатру ходила регулярно. Ведь все же нормально было, я уж думал, что больше никогда такого не повторится. А со вчерашнего дня все началось, какая-то растерянная стала, испуганная. Всю ночь не спала, несла околесицу какую-то, разделась, по квартире бродила голая. К утру вроде поспокойнее стала, кое-как уговорил ее в диспансер поехать. Сели в машину,

поехали. А она вдруг в туалет захотела! Ну, мы как раз мимо заправки проезжали. Зашла в туалет. Долго там была, я уж переживать начал. И вдруг выходит без брюк, без трусов и без обуви. И как давай орать и рваться куда-то! А я ее в угол зажал и стал быстрее вас вызывать. Еле добился, чтоб вызов приняли, там, видно, подумали, что она хулиганка пьяная!

– Так, а одежда-то её где? – спрашиваю.

– Ой, блин, так в туалете и валяется, сейчас принесу! – спохватился супруг.

Мне еще нужно было попытаться побеседовать с больной. Сидела она меж двух фельдшеров, не дергалась, вырваться не пыталась.

– Здравствуйте, Елена! Расскажите, что с вами случилось?

Но ответ получил явно не в тему:

– Вон танки едут! Насиловать будут! Ведро стоит, все грязное и засранное!

Скажу по правде, сексуально озабоченных танков я поблизости не заметил, а вот ведро, действительно, безобразное стояло в салоне на самом виду. Надо будет водителю Во-ве сказать, чтобы спрятал куда-нибудь такую срамоту.

Пришел муж с недостающими частями одежды.

– Лена, ну-ка, давай одеваться! – сказал он, приближаясь к ней.

– Пошел ты на... сволочь поганая! – взвизгнула она, и тут же стала вырваться и махать ногами.

Ну что ж такое-то, а?! Так и пришлось ее силой уложить

на носилки и прификсировать за руки вязками. Ноги оставались свободными и их удерживал Гера. Мужу удалось с боем надеть на нее трусы, а вот с брюками вышла проблемка: слишком узки они, так просто их не наденешь. Вот ведь мода, будь она не ладна! Не могут штаны нормальные модными сделать! Ну ладно, так и повезли. Муж ехал за нами следом. Когда подъехали в стационар, двигательное возбуждение прошло, а вот речевое – никуда не делось. Она продолжала громко и эмоционально кричать обо всем, что видела вокруг, не забывая вставлять и галлюцинаторные образы:

– Машина белая! Меня двое ведут! Пасмурно! Урна стоит! Дверь железная! Вон врач идет! Самолет, самолет падает! Сейчас взрыв будет!

На просьбы вести себя потише не реагировала. В общем, приняли ее без проблем, к нашему всеобщему облегчению.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: «Адрес такой-то, Индустриальный колледж, М. 18 л., отравление неизвестным веществом. На вахте встретят».

– Принял!

На вахте нас встретила немолодая, интеллигентного вида женщина с заплаканными глазами.

– Здравствуйте! Я классный руководитель Димы, Ольга Геннадьевна. – представилась она. – Дима чего-то употребил. Во время занятия вдруг на четвереньках стал по проходам бегать, вроде как искал кого-то. Кричал чего-то непо-

нятное, смеялся.

– А почему вы считаете, что он чего-то употребил? – уточнил я.

– Но ведь раньше-то никогда ничего подобного не было. Нормальный, обычный мальчишка, безо всяких странностей.

В пустой аудитории Дима сидел под присмотром двух рослых парней-студентов и от души хохотал.

– О! А вы врачи, да? – воскликнул он при виде нас.

– Да, мы врачи. Что случилось, рассказывай!

– А чо, ничо не случилось! Вы прикиньте, вон там в шкафу один придурок прячется! – показал он на стенной шкаф и залиvisto засмеялся. – Э, ну хорош уже прикалываться, вылезай давай, тебя спалили! Ну ты придурок!

– Так, Дмитрий, а ну-ка, рассказывай и показывай, чего ты употреблял! – потребовал я.

– Ничо я не употреблял, ваще ничего! – вытаращил он глаза, видимо пытаясь имитировать честный взгляд.

– Дима, ты мне дурочку не гони! Если мы не узнаем, чего ты употребил, то и помощь не сможем оказать! И тогда ты в морг поедешь! Так, давай быстро все из карманов на стол! – жестко прикрикнул я.

– Да нате! – И выложил телефон.

Да, в карманах больше ничего не было. Зато рядом лежал рюкзак.

– А в рюкзаке что? – спросил я.

– Да нет там ничего! Там тетрадки и учебник!

– А ну, быстренько открывай и показывай! – скомандовал я. – Нет, ты полностью открывай, не ковыряйся там! Вываливай все на стол!

И вот оно! Эврика! Две упаковки весьма интересных препаратов, отпускающихся строго по рецептам, но не относящихся к наркотическим. В обеих упаковках не хватало по шесть таблеток. Ну, японка мама, придется промывать! Главный вопрос, где взять чистую емкость для воды. Но выручила завхоз, которая принесла новенькое, чистое пластиковое ведро. Дима, как ни странно, почти не сопротивлялся, видимо, испугавшись за свою жизнь. Так что все получилось нормально. После столь неприятной процедуры он успокоился, стал вести себя более упорядоченно, вот только началась сонливость. Давление 110/70 мм, пульс 88. Помощь оказали по стандарту.

– Во я debil! – периодически повторял Дима, борясь с дремотой по дороге в стационар.

– Центральная, шестая свободна!

– Сюда, шестая!

Вот и хорошо. Сейчас первым делом по телефону передам сообщение в полицию. Да, по таким случаям мы обязаны это делать. Ну, а потом и пообедаем. А может и вздремнем!

В общем, все у нас неплохо получилось.

– Шестая бригада! – разбудил меня крик динамика. Почти два часа нас не тревожили!

Гера принес карточку. «Адрес такой-то, М. 43 г., психоз, больной не учетный».

Дверь открыла пожилая мама больного. Заискивающе глядя в глаза, она затараторила:

– Ой, запил он у меня, уж две недели пьет и никак не остановится! А сегодня у него галлюцинации начались!

– Сейчас посмотрим.

Болезный, одетый лишь в одни трусы, возлежал на постели, почесывая толстое, волосатое пузо.

– О! Здорова, доктора! Чет вы долго ехали? – развязно поприветствовал он нас, повернувшись на бок лицом к нам и подложив под голову руку.

– Что случилось?

– Да глюки у меня, вон русалки мерещатся! Забухал я что-то! Слышь, док, увези меня в наркологию на Первомайской! Прокапаться надо!

– Когда выпивал последний раз?

– Ну... час назад, соточку водочки принял! – самодовольно ответил он.

– А всего за сегодня сколько?

– Ну... пол-литра точно выпил!

– В общем так, уважаемый, психоза у вас нет, признаков отравления нет, абстиненции тоже нет. Поэтому никуда мы вас не повезем. Оснований для экстренной помощи нет. Обращайтесь в наркологию сами.

– Да мы уж обращались сегодня в наркологию на Перво-

майской, не приняли нас, сказали, что мест нет, принимают только по скорой с белой горячкой! – вступила в разговор мама болезного. – А у него же белая горячка!

– Никакой белой горячки у него нет. И наркология на Первомайской не единственная в городе. Не может такого быть, чтобы ни в одном отделении мест не оказалось! – категорично ответил я.

– Да нафиг мне другие наркологии! Мне на Первомайскую надо, там врачи самые лучшие! – раздраженно сказал «больной» и сел на кровати.

– Ну тогда жди, когда там места появятся! А мы поехали, до свидания!

– Э, алё, куда поехали?! Прокапайте меня хотя бы! – он встал с кровати и угрожающе пошел на нас.

– Слышь, клоун, сейчас мы тебя положим мордой в пол, свяжем и отправим на лечение в отдел полиции! – пробасил фельдшер Гера.

И болезный мгновенно сдулся.

– Я на вас жалобу напишу! – сварливо и как-то визгливо крикнул он.

– Безобразие какое! – поддержала его мама.

– Приятно было познакомиться! – сказал я на прощание.

В карточке нарисовал токсическую энцефалопатию и алкогольное опьянение.

– Центральная, шестая свободна!

– К Максимке поедете. Адрес такой-то, остановка обще-

ственного транспорта, вызывает полиция.

– Принял!

Все понятно. Максимка – личность известная всем без исключения бригадам нашей скорой. Да, в том числе и педиатрическим. Хронический алкоголик, сорока девяти лет от роду. Беззлобен, благодушен и даже, как ни странно, не ругается матом. Ведет себя бесхитростно: «настреляет» у добрых прохожих мелочишки, купит в аптеке пару «фанфуриков», разведет заранее запасенной водичкой в бутылочке, употребит и войдет в нирвану. Нет, Максимка не бомж, живет со старенькой мамой в весьма приличной двухкомнатной квартире. Хотя, если точнее сказать, он не бомж ровно до тех пор, пока жива его мама. Думаю, понятно почему.

Виновник торжества, извалянный в пыли и грязи, сидел на заднице и благодушно улыбался, показывая единственный передний зуб. Рядом стояли двое полицейских.

– О, здорова, скорая помощь! – поприветствовал нас Максимка.

– Ну, здравствуй, Максимушка! И что ж тебя сегодня занесло-то куда? Аж к черту на рога, на другой конец города!

– Гыыы! А я как бухну, меня всегда куда-то заносит! Сам удивляюсь! – радостно ответил он.

– А что ж вы сами-то его не увезли? Посадили бы в «стакан»⁴ и довезли бы спокойно. Ведь вы имеете такое же право

⁴ Стакан (сленг) – отсек для перевозки задержанных в полицейском автомобиле. – *Прим. авт.*

доставлять в вырезатель! – попенял я полицейским.

– Так у него же рожа битая! Вон, синячина под глазом! – ответил старшина.

– Рожа, – говорю, – у него всегда битая. Но Максим Сергеевич ВИП-клиент, его принимают в вырезатель с любой рожой. Так что, давайте-ка, в следующий раз сами везите.

– Ну ладно, Старый, не ругайся! Я ж не буяню! – примирительно сказал Максимка.

В общем, увезли мы его в родные пенаты.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, М., 71 г., психоз, больной учетный.

– Принял!

И здесь все понятно. Василий Петрович опять расшалился. Больной давно знаком, не первый раз к нему едем. Нехороший он, когда в психозе. Высокий, крепкий, жилистый, он может в драку запросто кинуться. Да что там в драку, для него и за нож схватиться не проблема. Так что на вызове глаз да глаз за ним нужен. В общем, как писали в старинных романах, вечер переставал быть томным...

Дверь нам открыла жена, но не успела и слова сказать, как в прихожей появился сам больной. К счастью, в руках у него ничего не было.

– Что, су*а, опять вызвала?! Шалава ты позорная! – гулким басом проорал он на жену, быстро спрятавшуюся за нами.

– Так, Василий Петрович, успокойтесь, пожалуйста! Пойдемте в комнату, присядем и поговорим спокойно! – потребовал я.

– А чего говорить-то?! И так уж всем известно! Ну ладно, пойдемте... – неожиданно успокоился он, прошел в комнату и сел на диван, положив руки на колени.

Осмотрелись, никаких опасных предметов поблизости нет. И это радует. Значит, можно побеседовать. Поскольку ответы Петровича были переполнены циничной нецензурной лексикой, то, с вашего позволения, я переведу их на литературный язык.

– Что случилось, Василий Петрович? Чем вы так возмущены? – поинтересовался я.

– Да что вы меня спрашиваете?! Уж весь мир знает, что Галька – женщина легкого поведения! Всем подряд дает!

– Это вы про свою супругу так говорите?

– Да какая она мне супруга?! Если только по паспорту. Я бы давно уже на развод подал, так она же меня дееспособности лишила! Она теперь и пенсию за меня получает, а потом на своих любовников ее тратит! Вот я и терплю теперь такой позор на старости лет!

– Василий Петрович, но ведь она же не молоденькая, ей тоже за семьдесят. Как она может такими делами заниматься?

– Да бросьте вы сказки-то рассказывать! Сами вы все прекрасно знаете... – безнадежно махнул он рукой. – Вон уж по

телевизору любовники ей приветы шлют и встречи назначают! Сегодня утром, только телевизор включил, и тут же какой-то бизнесмен открытым текстом сказал, мол, Галя, я тебя хочу! И сразу после этого она в якобы магазин засобиралась! За дурака она меня держит, думает, что верю я ее в порядочность! Башку ей отрезать надо! Вот так!

– Ну, Василий Петрович, хватит, это уже перебор. Поедемте в больницу, одевайтесь, пожалуйста.

– Да поедем, поедем... Не бойтесь, сопротивляться не буду. А то ведь опять начнете руки выкручивать... – обреченно согласился больной.

– Вася, вот, я тебе брючки приготовила, свитерок серенький надень... – сказала супруга больного, но тот ее грубо оборвал:

– А ну, пошла на...,, пока я тебя не порвал!

От греха подальше бедная женщина закрылась в туалете. Довезли спокойно. Правда, пока ехали, Петрович настойчиво интересовался у моих фельдшеров, мол, не вернемся ли мы сегодня к Гале, после того, как его в больницу сдадим? Ответам «нет», к сожалению, не поверил...

– Центральная, шестая свободна!

– Сюда, шестая!

Вот и ладушки, значит, моя полставочная сменка на сегодня закончена.

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Фельдшер Жорик

Вот и снова наступил очередной рабочий день. И, как ни странно, сегодня я бодрячком себя чувствую и настроение какое-то игривое. А причина тут ясна, как божий день: выходные прошли хорошо и по-доброму. На даче продуктивно поработал, за грибками сходил. Да, без Федора и без самогона. И лес был знакомым, веселым, понятным. А что творилось, когда мы с Федором куролесили, сам не пойму. Больше не встретил я там враждебную, мрачную, буреломную глухомань. И оврага того не нашел. Кстати, у старых местных жителей поспрашивал я про этот овраг, но они лишь делали удивленные лица. И вот что это было такое? Неужто Леший над нами, пьяными дураками, решил поглумиться?

Гера на больничный ушел. Да и какой он работник с повязкой и кровоподтеком? Вместо него дали фельдшера Жору Бобылева. На скорой работает чуть больше года. Парнишка достаточно мутный. Трудился одно время самостоятельно, но из-за многочисленных жалоб больных перевели его во вторые работники. И нет в коллективе человека, который отозвался бы о нем по-доброму. Я его сразу проинструктировал, что бригада наша психиатрическая, наш контингент, мягко говоря, специфический. А потому, говорю, веди себя спокойно, за языком следи, а еще лучше, вообще не высывайся, ни с кем в пререкания не вступай. Вроде бы все по-

нял, а уж как оно на самом деле будет, поживем – увидим.

Объявили врачебно-фельдшерскую конференцию. Ну что ж, надо сходить, послушать, может чего вумное скажут.

Сидим, ждем, когда их величество главный врач явиться изволят. Ни разу еще вовремя не пришел. Через восемь минут появился. Ни «здрасьте», ни «извините». Окинул собравшихся сердитым взглядом с ноткой брезгливости. «Начинайте!» – буркнул он старшему врачу. После доклада главный по своему обыкновению, набычившись, начал предъявлять претензии.

– Позавчера у нас чуть было не произошло ЧП. Поступил вызов: шестимесячный ребенок подавился едой. Ребенок мог дышать самостоятельно, но дыхание было затруднено. Прибывшая на вызов врач-педиатр Мальцева не нашла ничего лучше, как вызвать «на себя» реанимационную бригаду. И это при том, что в распоряжении доктора имелись ларингоскоп и электроаспиратор. Другими словами, доктор не оказывала помощь, а всего лишь тупо ждала приезда коллег. Они, конечно, приехали, все, что надо сделали, и исход был благополучным. И вот тут-то и выяснилось, что доктор не умела пользоваться электроаспиратором. А у меня еще есть информация, что некоторые коллеги не умеют работать с дефибрилляторами, с аппаратами ИВЛ, со шприцевыми дозаторами! Это что за шантрапа у нас здесь собралась?! Значит так. Со следующего понедельника старший фельдшер, ответственный за медтехнику, будет проводить учебу. Нача-

ло в 7:30. Присутствовать всем, явка будет проверяться!

Вот тут я уже не сдержался и взял слово:

– Игорь Геннадьевич! По моему убеждению, обучать должен не фельдшер, а практикующий врач, который, как говорится, собаку на этом съел! Идеальные кандидаты – это доктора с реанимационной бригады. Например, Сергей Васильевич Вострецов, у него стаж работы более тридцати лет, успешных реанимаций не счесть...

– Юрий Иванович, уважаемый! Я давно заметил, что у вас на все есть свое особое мнение. Но я предлагаю вам начать с себя. Вы в курсе, что у нас ведется хронометраж. Бригады должны выезжать не позднее двух минут с момента получения вызова. А ваша бригада идет не спеша и вразвалочку, аж через одиннадцать минут от получения вызова! На первый раз я сделал вид, что ничего не заметил. А вот в следующий раз со стимулирующими распрощаетесь! Если вопросов больше нет, все свободны!

«Да и бог с тобой, засранец этакий!» – спокойно подумал я, отбрасывая от себя негатив.

Аж целый час не вызывали. Сидели, чаек попивали с реанимационной бригадой. Но вот и наша очередь подошла. «Адрес такой-то, у входа в магазин «Весна», М. 37 л., человеку плохо, причина неизвестна».

Болезный, перепачканный с ног до головы, сидел на заднице аккуратно в грязном месиве и для равновесия упирался руками в асфальт. Вот ведь какая интересная законо-

мерность: почему-то пьяные всегда приземляются именно в грязь или в лужу, хотя вокруг полным-полно относительно чистого пространства.

Но думай не думай, а надо затаскивать в машину и везти в вытрезвитель. Сам-то он никуда не уйдет в таком состоянии. Он даже говорить-то не может. Ну надо же, у него и паспорт при себе имеется. Ну-ка, прописку посмотрим. Нет, далеко. До вытрезвителя намного ближе. Водитель вывез носилки-каталку, застелили мы их одноразовыми простынками. И тут фельдшер Жорик сделал то, от чего меня покорибило. Взял он и пнул по руке, которой пьяный упирался об асфальт. Ну и, потеряв опору, завалился он на спину. А Жорик, идиот, ржет стоит.

– Послушай, – говорю, – друг! Такое на нашей бригаде не приветствуется.

– Какое такое? Юрий Иванович, чо я сделал-то?

– Жора, ты глумишься над незащитным человеком, который не может дать тебе отпор. А это самое последнее дело!

– Да я же по приколу, Юрий Иванович!

– Вот сделай так, чтобы этих приколов больше не было.

Понял меня?

– Понял... – ответил погрузневший Жорик.

В общем, увезли мы пьяного господина в вытрезвитель.

– Шестая бригада, вы освободились?

– Да.

– Пишем вызов: адрес такой-то, Ж. 68 л., отравление таб-

летками.

– Принял!

Дверь открыл муж больной.

– У нее деменция, за ней глаз да глаз нужен! Я уж на все розетки защиту поставил, на кухне ее одну не оставляю, гуляет только со мной или с дочерью. А вот сегодня недоглядел. Съела она четыре таблетки валидола, – рассказал он. – Обычно все лекарства я далеко убираю, а тут вот видите, как получилось!

У меня отлегло от сердца. Ведь валидол – это всего лишь мятные конфетки, которые вряд ли могут причинить серьезный вред.

Но больную нужно посмотреть обязательно.

Пожилая женщина с седыми пушистыми волосами в уютном байковом халатике сидела в кресле и доброжелательно улыбалась.

– Здравствуйте, как вас зовут?

– Нина.

– А по отчеству?

– Григорьевна.

– Как вы себя чувствуете, Нина Григорьевна?

– Хорошо, очень хорошо!

– Ничего не болит?

– Нет, ничего.

– А зачем таблетки-то съели?

– А от них вкусно пахнет и они сладенькие такие! А я сей-

час рисовать буду! Мне Коля фломастеры принесет и альбом! – И из ее голубых глаз лучилась по-детски светлая, чистая радость.

– Сейчас, сейчас, Нинуль, принесу! – отозвался супруг больной.

Давление и пульс нормальные, на ЭКГ ничего настораживающего нет. Супруга больной я успокоил, объяснив ситуацию.

По пути к машине, Жора вдруг спросил:

– А чо они ее в дурку не сдадут? Она же дура совсем!

– Жора, она не дура, а больной человек. И еще она чья-то жена, мама, бабушка. Нельзя относиться к людям, как к отработанному материалу, – как мог, объяснил я ему.

– Ну и чо, вот так с ней мучиться что ли?

– Нет, Георгий, тебе этого не понять, – подвел я итог разговору и сел в кабину.

Нда... Чувствуется, что жестокий этот молодой человек. Ну да бог ему судья. А я ему не сват и не брат. И перевоспитывать я его не намерен.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, автовокзал, восьмая платформа. М. 37 л., травма головы. Вызывает полиция.

Подъехали. Бааа! Кого мы видим! Наш утренний знакомец, которого мы собственноручно вынули из грязи и сдали в вытрезвитель. Сидит на скамеечке, самозабвенно матерится, а из головы кровушка капает. Рядом стоят и скучают

двое полицейских. В машину зашел послушно. Голову ему обработали, повязку асептическую наложили. Рана нехорошая, шить надо, а для этого в травмпункт придется везти.

– Как же ты из вырезвителя-то убежал, друг сердешный? – спрашиваю.

– А ...ли, они меня держать, что ли, будут? – ответил он, довольно улыбаясь.

Ну да, логично. Вырезвитель теперь не полицейское подразделение, а отдан здравоохранению, которое, как известно, силовой структурой не является.

Оставили мы своего знакомца в травмпункте, строго-настрого наказав дожидаться своей очереди. Но душа этого парня требовала свободы. Минут через пять, когда я уже дописывал карточку, он вышел на улицу и резвенько почапал на поиски новых приключений. Ну что ж, хозяин-барин, как говорится.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: остановка общественного транспорта «Социалистическая», М. 28 л., психоз. Вызывает полиция.

Место действия развернулось не на самой остановке, а неподалеку от нее, возле дерева.

Молодой человек бомжеватого вида, с опухшим и небритым лицом, вытаращив глаза, орал на полицейских:

– Мужики, да вы чего?! Вы чо стоите-то?! Он задыхается там! Вызывайте спасателей быстро! Вас же самих посадят, придурков!

– О, наконец-то скорая приехала! – с облегчением сказал один из полицейских.

– Здравствуйте, уважаемый! Что случилось? – обратился я к бомжеватому виновнику торжества.

– Да я уже ментам все рассказал! Там в дереве Валерка стоит, задыхается! Давайте быстрее пилите это дерево!

– Ну и как же этот Валерка там оказался? – любопытствовал я.

– Да ну не знаю я! Наверно, через дупло. Не, давайте сначала человека спасем, а потом уже выяснять будем! – горячился парень.

– Так ведь дерево-то не толстое, человек там не поместится!

– Да хватит уже, я сам видел, что он в дереве!

– А когда вы в последний раз выпивали? – спрашиваю.

– Да трезвый я, вот, возьмите у меня кровь, если не верите! Я вчера утром только опохмелился чуток и все!

– Давай-ка, друг любезный, садись к нам в машинку, – обратился я к нему.

– Чооо?! Ты чо, ...удила старый! Ты меня в дурку, что ли, отправить хочешь?! Ты... ...! – окончательно вышел из себя больной и, сжав кулаки, двинулся на меня.

Полицейские и фельдшер Анатолий среагировали моментально: повалили на землю, заломили руки и надели наручники. Фельдшер Жорик боязливо стоял в сторонке. С трудом затащили в машину, усадили на скамейку меж двух полицей-

ских. И тут вдруг Жорик, видимо, решив показать свою запоздалую храбрость, ударил больного кулаком по лицу. Мы все буквально в осадок выпали!

– Слышь ты, чучело, ты чего творишь-то?! – крикнул я, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не вырубить его ударом в челюсть. – Ты только перед беззащитными храбрый! Что же ты в сторонке стоял, когда парни его крутили? Трус ты и подлец! Сейчас, как в наркологию его сдадим, я тебя везу на Центр и пишу докладную! Он посмотрел на меня затравленным волчонком и не произнес ни звука.

– А может он пешком пойдет? – спросил полицейский, показывая на Жорика.

– К сожалению, так нельзя, – ответил я. Сев в кабину, еле достал дрожащей от волнения рукой свой телефон, чтобы позвонить старшему врачу.

– Алексей Викентич, приветствую, это Климов беспокоит.

– Что стряслось, Иваныч?

– Да мой фельдшер подменный Жора Бобылев беспределит. Сейчас больного ударил! В общем, как только больного в наркологию увезем, мы едем на Центр, менять этого придурка! А я еще и докладную напишу!

– Иваныч, Иваныч, погоди, не горячись! У меня все бригады устаканились, не буду я никого менять. Ну уж потерпи немного-то, тебе же не сутки с ним работать! А докладную напишешь, без вопросов, я завтра на конференции ее главному вручу.

– Ладно, Викентич, расстроил ты меня...

Сдали больного в наркологию. Разрешили обед. А я-то даже и позабыл про него. Перекусил неплохо. Потом докладную написал на этого ушлепка. Отдал Викентичу. А Жорик, узнав, что его менять не будут, повеселел, этак дерзко по-сматривать на меня начал. Ну-ну, думаю, от твоих взглядов мне ни жарко, ни холодно, а завтра будет тебе кузькина мать!

Часа два нас не тревожили, мы уже и подремать неплохо успели. Но вот и вызов дали: «Адрес такой-то, М. 41 г., боль в груди».

Больной лежит на диване, бледный. На столе – флакон нитроспрея.

– Здравствуйте, что случилось?

– Что-то с сердцем плохо. Раньше тоже прихватывало, но разок брызнешь спреем и проходит. А тут только минут на двадцать отпускает и потом все по новой.

– А нитроспрей вам кто назначил?

– Да медсестра знакомая...

– Давно болит?

– Часа два, примерно...

ЭКГ делал Жорик.

– Херня! Подъемов нет! – развязно прокомментировал он, подавая мне ленту.

На ленте картина была не радостная: депрессии ST и отрицательные зубцы T. Назвать такие изменения «херней», у меня язык не повернется.

– Анатолий, сходи, пожалуйста, в машину за наркотиками! – попросил я.

– Чо? А на фига тут наркотики-то?! Подъемов же нет! – вытаращил глаза Жорик.

– А тебя, уважаемый, никто не спрашивал, – спокойно сказал я.

Жорик фыркнул и покраснел.

Помощь оказали по стандарту и благополучно госпитализировали.

– Центральная, шестая свободна!

– Сюда, шестая!

Ну надо же, какая сегодня смена удивительная! Давно такого спокойствия не было! А то я уж привык без заездов на все подряд кататься.

Сидели больше часа. Фельдшер Лера Морозова меня вкусными конфетками угостила, чайку попил от души. Потом подремал перед телевизором. Но вот и вызов подоспел: «Адрес такой-то, М. 38 л., психоз, больной учетный».

Встретила нас мама больного. Коротко стриженные, непричесанные волосы. Затрапезный халат. В лицо намертво въелись скорбь и усталость от жизни. Смахивая слезы, она еле сдерживает наплыв горьких эмоций.

– Господи, как я устала! Ведь он же овощ совсем... За собой не убирает, в туалете постоянно моча на полу, стены калом измазаны. Помыться не заставишь... Целыми днями в кресле сидит, может и обделаться... А ведь раньше-то нор-

мальный был. В школе учился хорошо, юридический колледж закончил. Потом в армию забрали, и там он заболел. Комиссовали. Совсем стал невменяемым. Бред у него был, свою философию разрабатывал. То и дело в больнице лежал, а все только хуже становилось. Потом его дееспособности лишили. Доктор, заберите его, пожалуйста! Дайте мне отдохнуть хоть немного!

Больной, полноватый, с лохматыми сальными волосами, с лицом, обросшим редкой щетиной, сидел в кресле перед выключенным телевизором. Лицо маскообразное, без следов мимики, глаза полуприкрыты веками. На нас реакции никакой. В комнате резкий запах мочи.

– Здравствуйте, как вас зовут?

– ...Кирилл – больной приподнял голову и ответил с паузой.

– Ну, расскажите, Кирилл, чем вы занимаетесь?

– Ничем не занимаюсь.

– А телевизор смотрите?

– Смотрю.

– А что вам больше всего нравится смотреть?

– Ничего не нравится.

– Ну, а поесть вы чего больше любите?

– Ничего.

– Ну как же, вы совсем ничего не едите?

– Ем.

– Ну а маму просите приготовить что-нибудь вкусень-

кое?

– Нет.

– А поговорить с кем-нибудь вам хочется?

– Нет.

И тут вдруг в мою беседу с больным самым беспардонным образом вклинился Жорик.

– Слышь, а бабами ты ваще никак не интересуешься? Кулачком, что ли, обходишься? – И на его роже появилась глумливая улыбка. Анатолий дернулся было к нему, но я опередил. Схватив Жорика за шкуру, я выкинул его вон из квартиры.

Но беседовать дальше смысла не было. Больной отвернулся и больше ни на какие вопросы не отвечал. Хоть и было мне искренне жаль его маму, но я вынужден был ее огорчить. Не возьмем мы Кирилла. Госпитализировать его можно только планово, через диспансер. Ну и разъяснил ей, как отправить его в интернат для психохроников. Да, процедура сложная, но ничего не поделаешь, нужно набраться терпения...

Когда мы с Анатолием пришли к машине, тот резко открыл дверь, заскочил в салон и, схватив Жорика за грудки, проорал ему прямо в лицо: «Если ты, гнусь, еще хоть раз откроешь свой вонючий рот, то я тебе челюсти перелломаю! Ты понял меня?!». «Да, да, да!» – затряс головенкой Жорик.

– Центральная, шестая свободна!

– Сюда, шестая!

Ну вот и кончилась моя сегодняшняя сменка...

– Шестая бригада, останавливаемся!

– Остановились!

– Пишем вызов рядом с вами: перекресток Колхозной и Красногвардейской, ДТП, сбит пешеход.

– Принял!

Прилетели со спецсигналами меньше чем за минуту. Но, к сожалению, наша помощь уже никому не требовалась. Сбитый мужчина получил травму головы, не совместимую с жизнью. Лицо полностью деформировано, возраст так просто не определишь. Все, что мы смогли сделать, так это укрыть тело одноразовыми простынями. Виновник сидел в черной иномарке с «блатными» номерами и тонированными стеклами. Гаишники приехали через минуту, оставили мы им свои координаты и уехали на Центр.

А на утро не поехал я, по обыкновению, на дачу. Ни свет ни заря, на скорую приперся. Из-за Жорика, будь он не ладен. Всю ночь не спал, покоя мне мысль не давала, как такие подонки могут работать в медицине? Пришел напрямую к главному перед конференцией. Удивительно, но принял он меня без капли высокомерия и по-простецки, доброжелательно.

– О, здоров, Иваныч! Чего случилось-то? У тебя же вроде выходной сегодня?

– Да вот вчера фельдшер Бобылев из меня всю душу вынул! – Ну и рассказал я ему про все вчерашние Жорины

«проделки».

– Так, Иваныч, давай, пиши докладную, и больше он здесь работать не будет!

– Докладную я еще вчера написал, она у старшего врача, он вам ее на конференции передаст.

– Отлично! Значит, сразу после конференции в 8:00 жду вас с Бобылевым к себе.

Главный задерживался с конференции, а мы с Жориком терпеливо ждали его в приемной. Заговорить со мной он не пытался и сидел согнувшись, вперив взгляд в пол.

Но вот он стремительно появился и сразу пригласил нас к себе в кабинет.

Первым делом Игорь Геннадьевич вслух зачитал мою докладную.

– Ну что, Георгий? Что скажешь? – поинтересовался он, глядя на Жорика, который старательно прятал глаза.

– Ну я же не сильно ударил этого..., ну, больного...

– Слушай, ты действительно ничего не понимаешь или просто дурачка из себя изображаешь? – вспыхнул главный. – Ты ударил беззащитного человека, который заведомо не мог дать тебе отпор! Он сидел в наручниках, меж двух полицейских! Да ты не мужик после этого! А потом, кто тебе дал право глумиться над больными? Кто тебе дал право вмешиваться в беседы доктора и комментировать его действия? В общем так, Георгий, у тебя есть два варианта. Первый: ты сейчас пишешь объяснительную, мы проводим служебное рас-

следование и увольняем тебя по отрицательным мотивам. С такой записью в трудовой ты вряд ли устроишься в приличное место. Второй вариант: ты прямо сейчас пишешь заявление по собственному. Я его подпишу сразу, без отработки. Выбор за тобой.

– Уволюсь по собственному... – промямлил Жорик.

– Вот и отлично. Сейчас идешь в отдел кадров и там все оформишь. Я туда позвоню. А вы, Юрий Иванович, задержитесь, пожалуйста! – и выдержал небольшую паузу, пока Жора не вышел из кабинета. – Иваныч, слушай, я тут подумал... А ведь ты прав был по поводу обучения работников! Конечно же, не старший фельдшер этим должен заниматься. В общем, учебу будет проводить Сергей Васильевич с реанимационной бригады. И еще, Иваныч, подумай, чтоб на полную ставку вернуться. Ведь ты же еще в силе, в разуме, а потенциал свой только на половину используешь!

– Подумаю, Игорь Геннадьевич!

– Ну и ладно, хороших выходных тебе, Юрий Иваныч!

– И вам всего хорошего!

Вот так и распрощались мы по-дружески. И ушел я домой в прекрасном расположении духа.

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Трагическое происшествие с Василичем

Вот и закончился грибной сезон... Нет, грибы-то пока есть. И опята, пусть и с раскрывшимися шляпками, но свежие, крепкие, чистенькие. И чернушек на засолку можно набрать. И лисички то тут, то там выглядывают, стараясь слиться с желтой опавшей листвой. В общем, есть-то есть, да не про мою честь. Просто супруга моя, сказала решительно: «Все, хватит!» Мол, если уж так сильно ты любишь лес, то ходи, гуляй, медитируй, фотографируй, но только грибы не собирай. Да и то верно. Ведь мы с Ириной далеко не грибные гурманы. Уж и раздавали мы их всем, кому только можно, а все равно запас остался такой, что и за год не съешь. Дочка моя приезжала недавно, и только я заикнулся, что, мол, грибочков с собой возьмешь, как она с возмущением отвергла:

– Папа, ну что мы, коровы, что ли какие, одними грибами питаться?!

Не слышал я, правда, чтобы коровы грибами питались, но дочь тоже понять можно...

А сегодня опять моя очередная смена. Объявили врачебно-фельдшерскую конференцию. Главный в командировке, а потому проводит ее начмед⁵ Надежда Юрьевна. Вначале,

⁵ Начмед на скорой – заместитель главного врача по медицинской части. В ста-

как всегда, доклад старшего врача предыдущей смены о том, что случилось-приключилось. А дальше взяла слово Надежда Юрьевна. С кисло-недовольным лицом она обратилась к врачу линейной бригады Марианне Силкиной:

– Марианна Анатольевна! Вы ездили на вызов на боль в груди. И доезд у вас в карточке стоит аж тридцать шесть минут! Ну слушайте, вы же не первый день работаете на скорой! Вы должны знать, что время доезда на экстренные вызовы не должно превышать двадцати минут! Ну сколько можно говорить об одном и том же?!

– Так ведь мы же ездили в деревню Мясниково, это и далеко, и дорога вся разбитая. Туда же физически никак не доедешь за двадцать минут! – попыталась объяснить Марианна.

– Марианна Анатольевна! В минздравовском приказе триста восемьдесят восемь говорится про двадцатиминутный доезд. А о дорогах и расстояниях там ничего не сказано. И экспертов из страховых это так же не волнует. Они просто тупо оштрафуют, вот и все! Поэтому карточку нужно переписать сразу после конференции!

– Хорошо... – согласилась Марианна.

– И еще, уважаемые коллеги, уже язык устал повторять, что дозировки препаратов должны полностью соответствовать стандартам! Вчера проверяла карточки и опять одно и то же: дозировки пишут кто во что горазд! Ну неужели нель-

зя запомнить, что магния сульфат при инсультах вводится четыре миллилитра?! Не пять, не десять, а именно четыре! Гепарин при ОКС с подъемом ST делаем четыре тысячи, без подъема – пять тысяч! Если у вас вообще нет стандартов, то придите ко мне с флэшками, я вам их скину! Ну закачайте их к себе в телефоны! Все, коллеги, если вопросов нет, всем спасибо!

Да, Надежда Юрьевна, к сожалению, права. Проверялкам из страховых компаний только дай повод, оштрафуют с радостью!

Сегодня аж двадцать семь бригад. А это вселяет надежду, что нас не будут гонять на все подряд.

...Ну да, размечтался! Дали вызов с великолепным поводом «отравление мухоморами у мужчины 63 лет». Ну, прям любопытство разбирает, что же сподвигло больного с утра пораньше мухоморов нажраться? Нда... Грибы теперь и на работе меня преследуют. Однако все оказалось несколько по-другому.

Дверь открыла супруга больного, которая взволнованным дрожащим голосом рассказала:

– Ой, доктор, он настойку мухоморов выпил! Я их на водке настояла, чтоб ноги растирать, а он...

– И много выпил? – спрашиваю.

– Да сказал, что грамм сто...

И тут появился сам больной: невысокого роста, коренастый, плотный и жизнерадостный. В общем, живее всех жи-

ВЫХ.

– Валюш, ну зачем ты скорую вызвала? У них же и так работы навалом, может сейчас кто-то умирает, а ты докторов отвлекаешь по всякой ерунде! Ну ты же видишь, что со мной все нормально! – укоризненно, но совершенно беззлобно сказал он жене.

– Ты сам-то смотри не помри, дурачок ты этакий! – заплакала она.

– Ну ладно уж, она же не просто так нас вызвала, все-таки беспокоится, давайте хоть посмотрим вас. Пойдемте в комнату, – примирительно ответил я.

И действительно, никаких признаков отравления не было. Выпил он часа два назад. За это время уж хоть какие-то симптомы появились бы. Давление 130/90 мм, пульс 78, зрачки нормальные. Хотя причина здесь не в чудесах, а в малой дозировке мухомора: в трехлитровой банке плавали всего лишь три небольших гриба. Да и выпил-то он не так уж и много. Оказывается, опохмелиться ему захотелось, а просить у жены деньги постеснялся. В общем, категорически отказался он и от промывания желудка и от госпитализации, расписался в карточке, и отчалили мы.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, Дзержинский отдел полиции, М., 39 л., психоз, больной учетный.

– Принял!

Оперативный дежурный – молодой майор с недовольным

лицом, тут же начал с укора:

– Ну что ж вы, как долго-то? Вон он орет, как бешеный!

И действительно, из клетки, обитой оргстеклом, доносились громкие вопли:

– Э, слышь, ты, овца, ты чо, попутал, что ли?! Ты за базар свой ответишь? Чо ты там гасишься, ты, ...?! Ты в лицо мне это скажи! Я тебя в, отвечаю!

– Это кому он так агрессивно-то? – поинтересовался я.

– Ну уж вам это лучше знать! Он, вообще-то, один сидит, – саркастически ответил дежурный.

– А как он к вам-то попал?

– Машину у соседа молотком расколотил. Новую, в кредит купленную. Зачем – непонятно, какой-то бред несет. Хотели с него объяснение взять, бесполезно, всякую дурь начинает рассказывать. Говорит, что на учете стоит, в больничке лежал два раза, инвалид второй группы.

– Понятно. Ну, давайте, посмотрим на него, побеседуем.

Автором агрессивных воплей оказался высокий молодой мужик с голым торсом, мускулистый и крепкий, с наколотыми звездами на плечах.

– Здравствуйте, вы на нас бросаться не будете? – поинтересовался я.

– Не, не, вы чего? Я же вижу, что вы – врачи. Чо я, дурак, что ли, на вас бросаться?! – искренне ответил он.

– Вот и хорошо. Как вас зовут?

– Валера.

– Что случилось, Валер? Говорят, что ты чужую машину разбил? Зачем?

– Ха... Да тут так просто и не расскажешь... Ну, короче. Я восемь лет отсидел за тяжкие телесные со смертью. По-человечески отсидел, нормальным пацаном. Два года назад освобожден. Полгода нормально прошли, работал в бригаде, ремонты делали. А потом началось. Опера из десятого отдела начали ко мне подкатывать...

– А это что за десятый отдел? Никогда о таком не слышал.

– Ха! И не услышите! Это же секретный отдел, они на новые преступления раскручивают. Но они не как обычные опера, они на расстоянии действуют. Через ретрансляторы давят и прессуют.

– Через какие ретрансляторы?

– Ну аппаратура такая, передает голоса на расстояние, прямо в голову. Они меня на сто четырнадцать убийств хотят раскрутить!

– Да, это многовато будет!

– Да это вообще беспредел голимый! Я чо, совсем больной, на себя пэжэ⁶ буду вешать?!

– А кому ты так кричал-то? Оперу, что ли?

– Не, не оперу, а козленку оперскому. Его к ретранслятору допустили, чтоб он, значит, надавил на меня. Он начал угрожать, что мочой меня обольют и девочкой сделают, если я явку не напишу.

⁶ ПЖ (жарг.) – пожизненное лишение свободы. – *Прим. авт.*

– Понятно. Ну, а машину-то у соседа зачем разбил?

– Да какой он, на..., сосед?! Это опер из «десятки»! Его специально ко мне в подъезд подселили! В его машине ретранслятор стоит, через него они со мной и базарят!

– А еще мне сказали, что ты на учете у психиатра состоишь и инвалидность имеешь.

– Да, года полтора назад, из-за них я на больничку попал. Три месяца лежал, шизуху мне поставили и вторую группу дали. Но, кстати, помогло.

– Голоса прекратились?

– Поначалу я их вообще не слышал, потом они начали прорезаться, потихоньку так, невнятно. А позавчера, как прорвало! Они же прямо в мозг свои голоса передают. Думал, башка лопнет!

– Ну что, Валерий, поехали опять в больничку. Там тебе опять защиту от голосов сделают.

– Да, поехали, конечно! – с радостью согласился он.

Дааа, давненько я не встречал столь систематизированного бреда! Ведь прямо все четко по полочкам разложил, кто, что и зачем! В общем, больного успешно сдали защитникам от голосов.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, во дворе дома, отравление неизвестным веществом, М, 30 л., вызывает полиция.

– Принял!

В уютном дворе старого П-образного дома, под сенью

желтой листвы деревьев, происходило форменное непотребство. Молодой, тощенький мужичонка, одетый лишь в плавки, стоя на полусогнутых совершал какие-то обезьяньи движения и почесывался. Рядом стояли двое полицейских и улыбались.

– Во, видите, чего творится-то? – сказал прапорщик, обращаясь к нам.

– Мы-то видим! И все вокруг видят! А кто-то из окон и видео снимает! Ну неужели нельзя было его в машину посадить?! – возмутился я.

– Так мы ж не скорая, зачем он нам в машине нужен? Не дай бог, окочурится, а потом отписывайся! – ответил он.

Ну да, пререкаться можно до бесконечности. Мои фельдшеры, взяв под руки, повели болезного в машину. Тот не сопротивлялся.

– Уважаемый, как вас зовут?

– Ы...ы...ы... – сказал он в ответ.

– Что употреблял?

– Не...не...не...ы...ы...

Давление 110/70 мм, пульс 52, зрачки широкие, со слабой реакцией на свет, взгляд не фиксирует. Вены везде чистые, но это еще ни о чем не говорит. Употребить можно по-всякому. На введение налоксона никакой реакции нет. Значит, точно не опиаты, а какая-то другая химия. Написал я в карточке «Отравление неизвестным веществом» и увезли мы его в стационар, как неизвестного. Вот зараза, теперь при-

дется звонить в полицию, сообщение передавать! А то, что полиция и так имела эту информацию, не считается. Нужно звонить в дежурную часть и передавать уже от имени скорой. Да, вот такие у нас заморочки.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, Ж. 33 г., человеку плохо, причина неизвестна, хочет именно вас.

– То есть, прямо так и сказала, мол, Юрия Иваныча хочу?

– Нет, она психиатрическую бригаду требовала.

– А что у нее плохо-то?

– Она ничего, как следует, не объяснила и трубку бросила.

– Понятно, принял.

Чудеса какие-то...

Дверь нам открыла молодая, красивая брюнетка с холодным взглядом.

– Вы психиатр? – прямо с порога строго спросила она.

– Да.

– Хорошо, проходите. Доктор, а можно нам без санитаров поговорить? – поинтересовалась мадам.

– Во-первых, они не санитары, а фельдшеры. Во-вторых, мы – одна бригада. В-третьих, никаких секретов по работе у нас друг от друга нет. И врачебную тайну мы храним одинаково, – спокойно объяснил я.

– Очень много слов, доктор! – с высокомерным недовольством заявила она. – Ну, ладно. Короче говоря, мне нужно госпитализироваться в четвертое отделение. Я вам нормаль-

но заплачу. Просто у меня на работе серьезные неприятности, и мне нужно в больнице полежать определенное время.

«Ишь ты, милая, куда захотела-то!» – подумал я. Четвертое отделение областной психиатрической больницы, так называемое «санаторное», мечта многих. Там режим мягкий, со свободным выходом, условия прекрасные. Одним словом, настоящий санаторий для людей с невротическими расстройствами.

– К сожалению, по скорой четвертое отделение не принимает. Вам нужно обратиться в психоневрологический диспансер, взять направление...

– Ой, да все это я знаю без вас! – бесцеремонно оборвала она меня. – В этом вашем диспансере нужно очередь выстоять среди дураков, потом кучу анализов сдать, потом опять очередь, чтобы направление дали! Все это я уже проходила! Я же вам сказала, что заплачу!

– Послушайте, уважаемая, никаких денег мы у вас не возьмем и никуда не повезем. Я понятно разъяснил?

– Так, не хамите мне, пожалуйста! Я вам не уважаемая! – Дамочка аж раскраснелась от гнева.

– Ну, извините, я ж не знал, что вы не уважаемая!

– Так, все, уезжайте, надоели! – взвизгнула она.

– И вам всего доброго! – душевно попрощался я.

Ответом нам была громко хлопнувшая дверь...

– Центральная, шестая свободна!

– Сюда, шестая!

Ну, наконец-то! Сейчас поедим, чайку врежем, а может и горизонтальное положение принять получится. У крыльца задумчиво курила старенькая дезинфектор Нина Петровна.

– Ну что, Иваныч, всех дураков вылечил? – поинтересовалась она.

– Нет, Петровна. Лечить можно только психически больных, а дураков – бесполезно.

– Эт точно...

Часа два не вызывали. Эх, красотища, почаше бы так! Но все хорошее не вечно...

Очередной вызов подтвердил, что закон парных случаев существует: «Адрес такой-то, Дзержинский отдел полиции, М., 49 л., психоз, больной учетный».

– И снова здравствуйте! – поприветствовал я уже знакомого оперативного дежурного. – У вас прям не отдел полиции, а филиал психиатрической больницы!

– У нас тут филиал дурдома, – поправил меня он. – Короче говоря, ваш клиент в Преображенском мужском монастыре чертей гонял. Окна побил, батюшке по физиономии врезал. Потом монахи его связали и нам сдали. Доктор, только постарайтесь уже без долгих бесед, забирайте его побыстрее, а то нормальные злодеи от него страдают! Он здесь чуть драку не устроил!

– А откуда известно, что он учетный?

– Он сам и сказал.

В одиночной клетке сидел худощавый мужичок, неболь-

шого роста, с аккуратной бородкой, одетый в грязноватую серую ветровку и потрепанные джинсы.

– О, здравствуйте, доктора! – радостно поприветствовал он нас.

– Здравствуйте. Вас как зовут?

– Раб божий Константин.

– Ну, рассказывайте, Константин, что вы делали в монастыре?

– А что делал... Трудником я там был. Жил, работал, хотел послушником стать, а потом и монашеский постриг принять. Но, оказалось, что там не Богу, а дьяволу служат...

– И как вы это поняли?

– Просто понял. Господь мне попустил нечистых духов видеть. Бесов, проще говоря. И воевать с ними.

– Так вроде бы такое пощещение дается только праведникам? Вы себя считаете таким?

– Эээ, доктор, я понял, куда вы клоните! Думаете, я в грех гордыни впал? Нет, я много испытаний прошел. И в Афгане, и в Чечне воевал я в секретном спецназе, в зоне сидел, в дурке лежал.

«Ну, уж привираешь ты, мил человек. Слишком молод ты для Афгана. Школьников туда точно не отправляли!» – мысленно отметил я. А уж про службу в спецназе сейчас каждый второй, если не каждый первый рассказывает. Будто нет и не было у нас никаких других родов войск и воинских формирований. Исключительно один спецназ.

– С этим все ясно. Ну а зачем вы окна били, зачем священника ударили?

– Не, не, не, все не так было. Окна я случайно разбил, я в бесов целился, они там прямо гроздьями висели, в кельи заглядывали, братию искушали! И по морде я дал не священнику, а дьякону. До священника я, к сожалению, не добрался.

– Так за что вы дьякона-то?

– За то, что он пел богохульную ектенью: «Паки, паки миром Дьяволу помолимся!». Вы поняли, да, какой это монастырь? Кому они служат?

– А другие слышали такое?

– Нет, конечно! Как они могут слышать, если у них мозги затуманены?! Они уже души свои загубили полностью! Ладно, доктор, проехали. Ну что, в дурку меня повезете?

– Не в дурку, а в психиатрическую больницу.

– Ладно, не придирайтесь к словам. Поехали, я готов к испытаниям. Господь мне их зачтет. Вот только тут такое дело... Завшивел я малость... И в голове, и в одежде, заразы, ползают.

– В больнице обработают, не переживайте.

Больного приняли без проблем, вот только санитарка приемного отделения смотрела на нас, как на врагов народа...

– Центральная! Шестая свободна, нам нужно машинку обработать.

– От чего?

– От вшей.

– Приезжайте.

Дезинфектор Петровна тяжело вздохнула и сочувственно поинтересовалась:

– Ну чего, Иваныч, мандавошек, что ли, подцепил?

– Ой, и не говори, Петровна, совсем зажрали!

Еще целый час не вызывали. Отлично: времечко постепенно движется к концу смены!

А вот и вызовок: «Адрес такой-то, М., 40 л., без сознания». Ну что ж такое-то, а?! Уж и бригад сегодня много, а все равно суют все подряд!

– Надь, ну ведь сегодня же двадцать семь бригад! Неужели только психиатрам можно дать боль в груди с задыхом? – высказал я диспетчеру.

– Юрий Иваныч, ну вот верите-нет, все заняты! Вон двадцать три вызова висят, из них три экстренных!

– Ладно уж... – сдался я.

Дверь открыла заплаканная супруга больного.

– Ой, скорей, скорей, проходите, пожалуйста! Он задыхается!

Больной с покрытым испариной лицом, сидел на диване. Дыхание клокочущее, тяжелое, частое.

– С сердцем плохо... Задыхаюсь... – прошептал он.

Мои парни, не дожидаясь никаких указаний, сразу начали работать. Гера записал ЭКГ, Толик катетеризировал вену. Давление 130/90 мм! Это просто счастье неопишемое,

что он еще и давление держит! В общем, имеем мы острый нижний инфаркт миокарда, осложненный отеком легких. Помощь оказали по стандарту. Давленьице снизилось до 110/70 мм, но это не критично. Главное, что отек купировали и обезболили. Хотя, это только на словах все легко и быстро. На самом-то деле почти час возились. Теперь можно и госпитализировать. Вот только проблема в том, как до машины его донести. Ведь это нужно делать только в сидячем положении. Притащили из машины складные носилки, которые легким движением руки превращаются в кресло-каталку. Нда... Наговорил... В этот раз «легким движением» не получилось. И не легким тоже. Заклинило их. Пришлось воспользоваться обычным стулом. Супруга больного нашла двух мужчин-помощников, которые вместе с фельдшерами, снесли его к машине. Благо, что этаж был второй, а пациент – невысокий и худощавый. В общем, все закончилось благополучно, довезли в лучшем виде!

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, между первым и вторым подъездами, под деревом, М., 40 л., без сознания.

– Принял!

Нас встречали двое шустрых мальчишек лет по двенадцати.

– Вон, вон он там, у дерева сидит! – азартно закричали они.

И действительно, прислонившись к дереву, сидел пьянец-

кий господин лет сорока, прилично одетый, но перепачканный грязью.

– Уважаемый! Эй, уважаемый!

– А? Фффсе намально! – сказал он.

– Ну-ка, пойдём в машинку!

– Неее, ну ни нана!

– Что не надо-то? Ты где живёшь? Адрес можешь сказать?

– Тама, – исчерпывающе ответил господин.

Вот засранец! Так и придётся теперь на носилках в машину завозить, а то вон пацанята уже на телефоны снимают.

В машине, после вдыхания нашатырки и закапывания в нос кордиамина, господин как следует прочихался, осмотрелся. И почти внятно смог назвать себя и свой адрес. И, к нашему великому облегчению, оказалось, что живёт он в этом же доме, возле которого и сидел под деревцем. Довели мы его до квартиры. Дверь открыла пожилая женщина.

– Ой, ой! Господи! Дима, Димочка, что случилось?! – громко запричитала она.

– Да ничего особенного не случилось, выпил ваш Дима, а мы его привели вам в целости, – объяснил я.

– Ой, ну как же так-то?! Он же вообще не пьёт! – не могла поверить она. – Он преподавателем работает в институте, кандидат экономических наук!

– Ну, когда-то же надо начинать! А преподаватели с учёной степенью – тоже люди.

– Ой, да что вы такое говорите!?! А вы скорая, да?

– Да, скорая. А вы ему кем приходитесь?

– Мама я его. Ой, спасибо вам огромное! Спасибо! Я вам должна что-нибудь?

– Нет, нам вы ничего не должны. А должны вы уложить Диму баиньки и, на всякий случай, тазик ему приготовить. Ну, а теперь до свидания!

– До свидания, спасибо вам еще раз!

Что ж, хоть и пустым был этот вызов, но на душе почему-то было приятно...

– Центральная, шестая свободна!

– Сюда, шестая. Юрий Иваныч, как приедете, сразу зайдите к старшему врачу! Прямо сразу!

– Понял!

Хм... Интересно, зачем я ему понадобился, тем более так срочно? Ладно, сейчас узнаю...

Старший врач Александр Викентьевич был мрачнее тучи.

– Проходи, Иваныч, садись. Беда у нас случилась, – сказал он, уставившись в стол перед собой.

– Викентич, чего стряслось-то? – от таких слов у меня задрожали руки и появился неприятный холод в животе.

– Сменщик твой, Олег Василич, обосрался.

– В каком смысле?

– В прямом. В общем, как получилось-то? Угостили их на вызове виноградом. Целый пакет дали. Василич в машине предложил фельдшеру и водителю откусать. Но те поумнее оказались, не поддались на провокацию. А Василич, пока

ехали, сожрал целую гроздь. Прямо не мытого. Ну и примерно через час приключился понос длиною в жизнь. Вырвало два раза. Теперь вон сидит на стуле возле сортира, дежурит, зараза такая.

– Викентич, меня одолевают смутные подозрения...

– Правильно одолевают. Короче, Юрий Иванович, я, конечно, не имею права тебя заставить. Я тебя просто прошу по-человечески, отработай до утра? Выручи, а?

– Ну что же, конечно, выручу. Без проблем, Викентич!

– Спасибо, Юрий Иванович! А спокойную ночь я тебе гарантирую!

Нда... Это, конечно, подстава от Василича! Не думал я, что он такую глупость сотворить может. Нет, вообще-то, Олег Василич и специалист отличный, и человек замечательный. Две врачебных специальности имеет: «Скорая медицинская помощь» и «Неврология». Сертификата по психиатрии у него нет, но на нашу бригаду его давно уже ставят. Вынужденно, ведь запасных врачей-психиатров у нас нет. До 20:00 он на БИТовской⁷ бригаде работает, а после – вместо меня на психиатрической. Ну ладно, как говорится, и на старуху бывает проруха, не осуждаю я Василича.

Позвонил своей супруге. Как и ожидалось, недовольство она мне высказала, мол, так и знала, что тебя припадут на полную ставку работать, а ты, как тютя, на все согласный! Но, успокоил я ее, убедил, что такая ситуация первый и по-

⁷ БИТ – бригада интенсивной терапии. – *Прим. авт.*

следний раз возникла. Эх, не сглазить бы только!

Викентич свое обещание пока держал. После вечерней пересменки, нас вызвали только в начале десятого.

«Адрес такой-то, М., 28 л., психоз, больной учетный».

Мама больного, с красными от слез глазами, прямо с порога эмоционально, с надрывом сказала:

– Убежал он! Он же сейчас таких дел натворит, что потом не расхлебаешься! Он агрессивный! Поймите его, пожалуйте!

– Извините, но мы никого не ловим. Звоните в полицию.

– Да причем здесь полиция-то?! Он же больной! Что они, его лечить будут, что ли?! – не успокаивалась она.

– Полиция его найдет, задержит и вызовет нас.

– Понятно все. Вы работать не хотите. Больного нет, а вам радость! – сделала она окончательный вывод, безнадежно махнув рукой.

– Послушайте, я вам все разъяснил. Не теряйте время и звоните в полицию. До свидания!

Да, некоторые жестоко ошибаются, наделяя нашу бригаду полицейскими функциями. Наше дело не розыском заниматься, а оказывать помощь и при необходимости госпитализировать. Конечно, мы имеем право применять физическое стеснение пациента, но осуществлять оперативно-розыскные мероприятия нам никто права не давал. Ведь мы же не силовая структура. И никогда ею не будем.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, М., 57 л., порезал вены.

– Принял!

Дверь открыла весьма поддатая дама неопределенного возраста с осветленными, разлохмаченными волосами и опухшей физиономией.

– Проходите, вон он чего наделал-то,! – сказала она, не стесняясь материться.

Сам болезный, не менее поддатый, крепкий мужик с седым ежиком волос, сидел в кресле и зажимал пропитанной кровью тряпкой левую руку с синими тюремными перстнями на пальцах.

– Ну, показывай, чего у тебя там!

На локтевом сгибе были две достаточно глубоких кровоточащих раны. В комнате весь пол кровью заляпан. Кровопотеря, судя по всему, приличная, но давление 120/70 мм. Уже радуется.

Анатолий обработал рану антисептиком и перевязал.

– И зачем ты это сделал? – поинтересовался я у пациента.

– Да так, по глупости... – расплывчато ответил он.

– Нет, а чо ты не говоришь-то ничего, ты,?! Расскажи им, как ты мне по морде дал ни за что! И я же еще и виновата?! Я один ..., от тебя уйду! – заорала баба дурным голосом.

– Слышь ты,, закройся на..., пока я тебя не завалил прямо тут! – угрожающе прорычал он.

Мои фельдшеры насторожились и подошли к нему вплот-

ную с обеих сторон.

Нам только еще и драки на вызове не хватало!

– Так, все, хватит! Поехали в травмпункт! – скомандовал я.

– Все, все, поехали, без базара! – послушно согласился порезанный.

По дороге он вел себя спокойно и мрачно молчал.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем вызов: адрес такой-то, М., 45 л., пил, плохо.

– Принял!

Нда... Сам-то я не безгрешен, конечно, но все же понять не могу, зачем пить, чтобы потом вызывать скорую? Зачем понапрасну тратить деньги на спиртное, если оно вместо эйфории, вызывает лишь интоксикацию?

Приличная, опрятная квартира. Видно сразу, что не алкашеская хата. Супруга пациента, приятная женщина средних лет, со смущением в голосе сказала:

– Извините, пожалуйста, что мы вас потревожили, просто уже не знаем, что делать. Он выпивал четыре дня подряд, а сегодня плохо ему. Раньше он анонимно в наркологии лечился, но теперь у нас пока денег нет, кредит выплачиваем...

Сам больной лежал в постели со страдальческим выражением лица.

– Ой, доктор, не могу, умру, наверное... Тошнит, слабость... Трясет всего... Башка болит... – слабым голосом рассказал он.

– Последний раз когда выпивали?

– Сегодня утром, грамм сто пятьдесят водки.

Сделали мы болезному волшебную капельницу. И ожил он, повеселел.

– Доктор, вот только денег-то у нас нет... Но мы вас яблочками и облепихой угостим!

– Спасибо, но деньги бы мы все равно не взяли. А вот от яблок и облепихи мои парни не откажутся. У меня-то у самого их навалом!

Когда сели в машину, фельдшеры тут же хотели съесть по яблоку, но я моментально пресек это безобразие. Вот, говорю, приедем на Центр, там помоете и съедите, сколько влезет. Еще не хватало, «подвиг» Василича повторить и обделаться!

И до конца смены, нас больше не вызывали. Сдержал Викентич свое обещание.

– Ой, горе-горькое, давай, ешь и спать ложись! – заботливо сказала мне супруга.

– Поем, конечно, а вот спать не буду. На работе нормально поспал, – ответил я.

А завтра меня ждало завершение дачного сезона. Все, хватит, пора и честь знать, тем более, что на последующие дни резкое похолодание обещают...

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Заездили...

Сегодня подошла моя очередная смена. Конференции не будет. Вместо нее – учеба по работе с планшетами, в смысле с планшетными компьютерами. В ближайшие дни их выдадут всем бригадам. Сложного там ничего нет, но напрягают два момента. Во-первых, после сохранения заполненной формы уже нельзя будет исправить время и оказанную помощь. Если сохранил, а только потом обнаружил ошибку, то все, как говорится, поезд ушел. Во-вторых, теперь нас ждет двойная работа: нужно будет заполнять форму в планшете и писать карту вызова. А где для этого время найти?

А на скорой у нас вновь назревает конфликт коллектива с руководством. Причиной тому, послужил приказ главного врача о нахождении на вызовах не более двадцати минут, а в приемных отделениях стационаров – не более пятнадцати минут. Раньше-то нам это лишь на словах говорили, а теперь уже в официальный документ облекли. Нарушителей будут карать по всей строгости, то бишь рублем наказывать. Вот это как раз и послужило искрой, от которой конфликт и разгорается. Нет, исключение из этого правила есть: проведение реанимационных мероприятий. Но ведь сплошь и рядом возникают случаи, когда и безо всякой реанимации двадцатью минутами на вызове никак не обойдешься. Если больной тяжелый, то перед началом транспортировки, мы долж-

ны хоть как-то стабилизировать его состояние. И времени на это требуется больше, чем двадцать минут. Неясно, как он представляет себе нахождение в приемнике стационара не более пятнадцати минут. Конечно, если больной не тяжелый, то можно отдать медсестре сопроводок, узнать фамилию дежурного врача и со спокойной душой отчалить. Но опять же, если больной в тяжелом состоянии, то его не бросишь, с него нельзя глаз спускать. А с учетом, мягко говоря, неблагоприятной ситуации с понятно какой болячкой, в приемниках собираются очереди из скорых. И ожидание всегда затягивается намного дольше, чем пятнадцать минут. Одним словом, сплошные непонятности...

Двадцать три бригады сегодня. Маловато будет. Часть подработчиков не пришли. Фельдшеров опять по одному работать поставили. И предчувствую я, что опять нас гонять начнут на все подряд...

Около девяти дали вызов: «Адрес такой-то, Первомайский отдел полиции, М., 44 г., психоз, больной не учетный».

На крыльце нас встретила заплаканная женщина средних лет.

– Здравствуйте, а вы не к Егорову приехали?

– Здравствуйте, а что вы хотели?

– Я его жена. У него совсем крыша поехала! Наверное, белая горячка! Допился, сволочь такая! А теперь мне сказали, что ущерб придется возмещать за ложный вызов. Господи, и денег-то нет ни копейки, он не работает уже полгода, живет

от запоя к запою! Вы его куда повезете?

– Извините, но я пока ничего не знаю, человека я еще и в глаза не видел. Если хотите, можете нас подождать, – ответил я.

Оперативный дежурный – высоченный, бритый наголо капитан рассказал:

– Похоже, там «белка» конкретная! Сегодня с утра пораньше прибежал к нам, сказал, что по всему периметру ЖД вокзала бандиты сидят в засаде. Проверили. Разумеется, никого не нашли.

– Ясно, сейчас посмотрим.

Мужчина средних лет, небритый, с отечным лицом и взлохмаченными волосами встретил нас с откровенным возмущением:

– Вы чего творите-то?! А?! Они же сейчас людей начнут расстреливать!..

– Так, уважаемый, успокойтесь, пожалуйста, и давайте поговорим спокойно.

– А вы кто?

– Скорая помощь.

– А причем здесь скорая?

– Я вам это потом объясню, давайте сначала пообщаемся.

– Давайте пообщаемся, – согласился больной. – Но ведь я им уже все рассказал, они все записали!

– Ну, они-то записали, а мы же ничего еще не знаем и вас первый раз видим. Вас как зовут?

– Алексей.

– Вот теперь давайте по порядку, с самого начала: кто кого собирается расстреливать?

– Ну, короче... Сегодня утром, часов в пять, я услышал разговор...

– Извините, перебыю, а где вы слышали?

– У нас под окнами, мы на первом этаже живем, форточка была открыта. Один, видимо, старший, инструктировал двоих. Говорит, мол, ты расставляешь одиннадцать человек со стороны привокзальной площади, а ты расставляешь одиннадцать человек со стороны перрона. Пусть, говорит, они спрячутся, а потом всех будут расстреливать из автоматов.

Да-а-а, не бандиты, а прям футбольная команда какая-то! По одиннадцать человек с противоположных сторон! – подумал я.

– А вы этих людей видели или только слышали?

– Только слышал. К окну я не рискнул приблизиться. А потом куртку накинул, переобулся, потихоньку пошел. Мы же рядом с вокзалом живем. Ну вот, подошел, смотрю, точно! Под всеми кустами сидят, в черных масках и с автоматами. Я быстрее сюда прибежал, все рассказал, а они меня в клетку закрыли! Это что за беспредел-то?!

– Когда выпивали последний раз?

– А причем здесь выпивка?! Я уже второй день вообще не пью! Вот, возьмите у меня кровь! – больной с готовностью протянул руки.

– Ну, а до этого сколько выпивали?

– Ммм... Точно не скажу, но, наверное, месяц...

– Вы работаете?

– Нет... Работал водителем. Потом в наркологичку попал, не анонимно, бесплатно. Ну и на учет меня поставили... Какие теперь права?

– Все понятно, Алексей. В общем, ФСБ сейчас проводит спецоперацию. А нам велено отвезти тебя на время в безопасное место. В больницу поедем.

– Хорошо, я согласен!

Когда вышли на улицу, супруга больного подошла к нам. При виде ее, он разволновался:

– Вика, а ты чего здесь делаешь?! Тебя же сейчас вычислят! Иди домой, спрячься пока в подвале!

– Обязательно спрячется, ты, главное, не переживай! – успокоил его фельдшер Гера.

– Вон, вон, в черную «Ауди» садится, сейчас нам на хвост сядет! – прокричал больной.

– Не волнуйся, – говорю, – у нас водитель профессионал, сейчас оторвемся!

В общем, довезли спокойно и сдали под охрану наркологов.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, в зале ожидания автовокзала, Ж., 70 л., психоз. Учетная ли – не известно. Вызывает охрана.

– Принял.

Пожилая, прилично одетая женщина, сидела и совершала хаотичные движения руками и ногами, вертела головой. Взгляд не осмысленный. Ладно, сейчас в машину перенесем, более детально осмотрим, а там видно будет.

Стоявший рядом охранник – молодой крепыш с рацией, глупо улыбаясь, спросил:

– А чо, у нее совсем крыша съехала, да? – И для наглядности, повертел пальцем у виска.

– Если у кого-то, что-то и съехало, то это у вас, – вежливо ответил я.

– А чо вы мне хамите-то?! – возмутился он. Но я отвечать не стал, не до него, нужно больной заниматься.

Ну, а теперь, что мы имеем? На ЭКГ ничего криминального. Глюкоза в норме. Давление 170/90 мм. Взгляд не фиксирует, в ответ на обращение издает непонятные звуки. Носогубная складка сглажена, уголок рта опущен. Правыми рукой и ногой двигает не так активно, как левыми. Судя по всему, острое нарушение мозгового кровообращения, проще говоря, инсульт.

По стандарту оказали помощь. Привезли в приемное отделение и зависли там аж на сорок пять минут. Перед нами в очереди были еще две бригады, тоже с тяжелыми больными. Потом повезли нашу пациентку на КТ, а ее фиксировать нужно было, иначе она головой беспрестанно вертела. Да и не бросишь такую больную в приемнике. Короче говоря, ни-

как тут не исполнишь приказ главного и пятнадцатую минутами не обойдешься. Инсульт, кстати говоря, подтвердился.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, Ж., 22 г., психоз, больная учетная.

– Принял.

Дородная женщина с красным лицом – мама больной, прямо в прихожей, безо всяких «здрасьте», громко и возмущенно сказала:

– Так, забирайте ее в больницу! Она вообще уже распоясалась! Не слушается, не жрет ничего! Ничего не делает, только с ноутбуком лежит! Она в прошлом году в больнице лежала, теперь, видно, опять туда хочет!

– Подождите, дайте мы хоть с ней пообщаемся-то? – спокойно ответил я.

– Ой, да общайтесь, толку-то... – недовольно ответила она.

Худенькая русоволосая девушка с короткой стрижкой и с заплаканными глазами сидела в кресле, поджав ноги.

– Здравствуйте, вас как зовут?

– Алина. Ой, а вы меня сейчас в больницу повезете? – испуганно спросила она.

– Подождите, пока мы вас никуда не везем. Вы лучше скажите, вот мама говорит, что вы ничего не едите. Почему?

– Да просто не люблю я овощное рагу...

– Что значит «не люблю»?! Я готовила, столько времени

потратила, а ты мне тут капризы устраиваешь?! – бесцеремонно вмешалась в беседу мама.

– Так, уважаемая, а вы можете выйти и дать нам возможность спокойно побеседовать? – стараясь быть спокойным, сказал я.

– Ага, щщщас! Я что здесь, квартирантка какая-то?! Вообще-то, я здесь хозяйка! – склочным тоном ответила она.

– Ну, тогда постарайтесь не вмешиваться!

В ответ она недовольно фыркнула, но пререкания прекратила.

– Алина, а почему мама говорит, что вы не слушаетесь? В чем это выражается?

– Да просто она меня просила мусор вынести, а как раз дождик шел. Я же не отказывалась, просто сказала, что вынесу, как дождь закончится.

– Понятно. А в каком отделении вы лежали?

– В четвертом. Мне расстройство личности поставили.

– А сейчас вас что-то беспокоит?

– Настроение плохое...

– Алина, а вы работаете?

– Нет... Я колледж закончила, бухгалтер по специальности. Поработала три месяца, не справилась... Ничего я не понимаю в бухучете...

– Но ведь на бухучете свет клином не сошелся. Есть и другие профессии рабочие.

– Не знаю... Продавцом я работать не могу, мне общение

с людьми не нравится.

– А, например, швеей, упаковщицей, фасовщицей? Там вас прямо на месте обучат. Да много есть профессий, где активного общения не требуется, нужно просто в интернете поискать вакансии.

– Да, я поищу, конечно.

– Алина, это не нужно откладывать! Поймите, вы тогда будете получать пусть и небольшую, но свою денежку. Вы будете более самостоятельной, да и отвлечетесь от постоянного сидения дома и от плохого настроения.

– Да, спасибо, я поняла.

– Ну вот и все, Алиночка, никуда мы вас не заберем! Желаю удачи! – подвел я итог беседе.

– Ой, спасибо вам! Спасибо! – В глазах Алины появился живой блеск.

– Ну-ну, я тоже все поняла! Вы отвечать будете! – многозначительно сказала мама, еще сильнее раскрасневшись.

– Приятно было познакомиться! – ответил я.

Нда... Уже не первый раз сталкиваюсь с такими родителями, которые сознательно и целенаправленно стремятся испортить жизнь своим детям. А нашу бригаду используют, как инструмент давления и шантажа. Ну да бог им судья...

Ладно, сейчас, наверное, на Центр позовут.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, у третьего подъезда на лавочке, М., 46 л., травма ноги.

– Принял.

Ну да, мечтать не вредно. Вот тебе и «позовут на Центр»... Как уж угораздило его травму получить? Сейчас никакого льда нет, не поскользнешься. Наверняка, по пьяной лавочке навернулся... Однако, все оказалось не так, как я предполагал.

На скамейке сидел приличного вида, трезвый мужчина и нецензурно страдал.

– Вот,! Бордюров наставили вдоль дорожки, а я забыл, хотел угол срезать и запнулся! Ой, блин, как больно! Хорошо, что двое парней мимо шли, помогли до скамейки допрыгать! – рассказал пострадавший.

В машину завезли на носилках. Ну что ж, судя по всему, перелом обеих лодыжек – наружной и внутренней. Да, неплохо так упал... Обезболили, зашинуровали и в стационар увезли. Да, перелом обеих лодыжек, является показанием к оперативному лечению в стационаре.

– А вы травматологи, да? – поинтересовался пострадавший, повеселев после хорошего обезболивания.

– Нет, мы – бригада интенсивной терапии, – соврал я. Зачем лишний раз травмировать человека правдой о том, что на травму ноги к нему вдруг врач-психиатр приехал?

– Центральная, шестая свободна!

– Сюда, шестая!

– С удовольствием!

Ну, наконец-то, а то с утра уже заездили... На крыльце

курил фельдшер Сергей Викторович.

– Здорова, Юрий Иваныч! Слышали, что Володя Карпов умер? – огорошил он меня.

– Да ты что?! Нет, конечно! Так ведь в прошлую смену он работал! И чего случилось?

– Говорят, гемораш⁸ обширный. Дома умер. Поел, из-за стола встал и тут же упал. Первая бригада ездила, но уже к трупку приехали. Законстатировали...

– А сколько ему лет-то было? Пятьдесят с чем-то?

– Пятьдесят три.

– А деньги кто собирает?

– Ну кто еще?.. Как всегда, Андрей Ильич.

Да-а-а... Вот это новость... Владимир Николаевич Карпов фельдшером был на линейной бригаде. Всегда только самостоятельно работал. И человеком был замечательным и специалистом прекрасным.

Сходил к главному фельдшеру, денежку сдал на похороны. Ну, а потом пообедал и горизонтальное положение принял почти на полтора часа.

Гера вызов принес: адрес такой-то, Ж., 44 г., психоз, больная учетная. Ну что ж, поехали...

Мама больной, уже привыкшая к давней болезни дочери, сказала даже без тени волнения:

– Здравствуйте! Вон, опять у нее все по новой. Вчера весь

⁸ Гемораш (мед. сленг) – геморрагический инсульт (кровоизлияние в головной мозг). – *Прим. авт.*

день по квартире ходила-бродила, чего-то бормотала, застывала в одной позе. Всю ночь не спала. Утром улеглась, теперь лежит и не спит вроде – как мумия застыла.

– Она у психиатра наблюдается?

– Да, уж давно, лет пятнадцать, наверное. Шизофрения. В больнице уж сто раз лежала и таблетки принимала, и на уколы ходила. А толку-то...

Больная, одетая в платье веселенькой расцветки, лежала в постели поверх одеяла. При этом, голова была приподнята над подушкой. Нет, она не подняла ее при нашем появлении. Просто застыла в таком положении. И больная не спала, а просто лежала неподвижно, закрыв глаза. Ну что ж, в данном случае был классический симптом «воздушной подушки». Поднял ей руку и отпустил. Рука зависла. Приподнял ногу. То же самое, зависла. На обращение никак не реагировала. Госпитализировать нужно обязательно, ведь больная в таком состоянии опасна для самой себя. Да и для окружающих может возникнуть угроза, поскольку выход из такого состояния, бывает, сопровождается агрессивными действиями.

Мои фельдшеры подняли ее с кровати. Стоит, не падает. Повели. Пошла, еле передвигая ноги. До машины, с грехом пополам, довели. А вот завести внутрь – никак. Ногу подняла, чтобы на ступеньку взобраться, и все на этом. Не получается. Пришлось заводить в ручном режиме: я ей ноги переставляю, а фельдшеры держат и направляют ее. Завели.

В стационар доставили без проблем, если не считать вы-

вод из машины в том же ручном режиме.

– Центральная, шестая свободна!

– Сюда, шестая!

Ну, как-то не верится, что при таком малом количестве бригад, нас вот так просто на Центр запустят... И точно!

– Шестая бригада, останавливаемся!

– Остановились, готовы.

– Пишем, вызов срочный: перекресток проспекта Мира и улицы Свердлова, ДТП, сбита девочка 13 лет.

– Принял!

Возмущаться таким непрофильным вызовом, было неуместно. Ведь все бригады работают, никто не филонит. Долетели со «светомузыкой» буквально за три минуты. Пострадавшая лежит на асфальте проезжей части, плачет, стонет.

– Я встать не могу! Нога вот здесь болит! – показала она на правое бедро.

– Сейчас мы тебя обезболим. Потерпи чуть-чуть, моя хорошая, – как мог, успокаивал я ее.

– У меня смартфон куда-то улетел!

– Сейчас постараемся найти. Не переживай!

Ну, что мы имеем? Под вопросом перелом правой бедренной кости, закрытая черепно-мозговая травма – сотрясение головного мозга. Именно под вопросом, поскольку точная диагностика будет выполнена в стационаре. Обезболили качественно, всю остальную помощь оказали по стандарту. А

вот что касается смартфона, то пришлось законстатировать его смерть. В момент удара, он отлетел на встречную полосу и был раздавлен вдрызг потоком машин.

Выяснилось, что пострадавшая переходила проезжую часть на зеленый свет и была сбита иномаркой, уехавшей с места ДТП. Ну что ж, понятно, для некоторых водителей закон не писан. Считают себя полными хозяевами на дорогах. Очень надеюсь, что наглец будет найден и получит по заслугам.

– Центральная, шестая свободна!

– Сюда, шестая.

Ха, Надя, не смейся! Прямо так и дашь ты доехать!

– Шестая бригада, останавливаемся!

– Остановились.

– Пишем, шестая: адрес такой-то, возле трансформаторной будки, М., 40 л., без сознания.

– Принял!

Нет, электротравмы, к счастью, не было. А был пьянецкий господин, который культурно прилег в засохший бурьян недалеко от трансформаторной будки. И сознание почти присутствовало.

Господин достаточно внятно матерился, но этой информации нам было явно недостаточно, чтобы установить его личность. Мои фельдшеры подняли его и, с грехом пополам, подвели к машине. Но вот дальше, он стал упираться и вырываться. В общем, силой затащили его внутрь и прификси-

ровали вязками к носилкам. Да, допустили мы в данном случае нарушение: ведь скорая вправе доставлять в вытрезвитель граждан только с их добровольного согласия. А с другой стороны, его нельзя было бросить, как-то очень не хотелось попасть под уголовную ответственность за оставление в опасности. В общем, благополучно сдали мы его.

– Центральная, шестая свободна!

– Пока двигайтесь в сторону Центра!

На этот раз Надя была более осторожна.

– Шестая бригада, останавливаемся, пишем вызов.

– Остановились, пишем.

– Адрес такой-то, общежитие, Ж., 51 г., травма головы.

– Принял!

Весьма поддатая обладательница травмы, сидела на расхристанной постели, прижимая к темени окровавленную тряпку. Рядом стояла группа поддержки из двух пьяненьких дам, на чем свет поносивших какого-то Валерку. Выгнали мы их самым решительным образом. Ведь не протолкнуться из-за них в маленькой комнатенке, да еще и мешают своими воплями.

– Рассказывайте, что случилось.

– Да чего... Сидели, выпивали, значит, я, Оля, Нина и Валерку из сто шестнадцатой позвали. А потом он сказал, что... меня хочет, – пострадавшая назвала нецензурный синоним полового акта. – Ну вот, я его сразу на... послала, а он табуретку схватил и мне по башке дал. Ну и убежал он.

– Полицию вызвали?

– Нет пока. Но я ... буду, заяву на него напишу,!

В общем, Анатолий рану обработал, перевязал. И свезли мы болезную в травмпункт.

Вот еще, не было печали, теперь придется в полицию сообщение передавать, ведь травма-то криминальная. А то, что еще и травмпункт будет сообщать, роли не играет. Будут два сообщения об одном и том же. Да, вот такие интересные правила у нас существуют.

– Центральная, шестая свободна!

– Пишем, шестая: адрес такой-то, М., 29 л., психоз, больной учетный.

– Принял!

Бабушка больного, пожилая женщина, испуганно рассказывала:

– Доктор, у него опять «голоса» начались! Теперь вообще чего-то страшное происходит! Сказал, что ему приказывают меня убить, но я, говорит, не подчиняюсь. И еще начал лбом об стену биться!

– У психиатра наблюдается?

– Да, он уже четыре года на учете стоит, в больнице лежал четыре раза. Инвалидность ему дали второй группы. У него ведь родителей нет, я одна его с пятнадцати лет воспитываю. Господи, за что мне такое на старости лет?!

– Как его зовут?

– Игорь.

Худощавый, коротко стриженный молодой человек, с лихорадочным блеском безумных глаз, стоя посреди комнаты, со злостью кричал невидимой собеседнице:

– Пошла на ... отсюда, слышь, ты,! Я тебя саму грохну! Заткнись, ко мне врачи приехали!

– Игорь, успокойтесь, пожалуйста, отвлекитесь, давайте присядем и поговорим.

– Да, да, извините, пожалуйста. Просто они уже достали меня! – Больной вдруг стал вежлив, но чувствовалось, что внутри он переживает бурю отрицательных эмоций.

– Игорь, а кто такие «они», которые вас достали?

– Эля и Вадик. Они мне свои голоса в голову передают! Заставляют бабушку убить, а потом повеситься! А еще они делают так, что мои мысли все вокруг слышат!

– А кто они такие?

– Преступники. Они хотят от меня и бабушки избавиться и нашу квартиру получить. Я хотел сегодня в полицию пойти, заявление написать, а бабушка не пустила. Не хочет связываться...

– А сейчас, вот в данный момент, ты их слышишь?

– Нет, сейчас не слышу.

– Ты их самих видел?

– Нет, не видел, только слышал.

– Ну а зачем ты головой об стену бился?

– Да не бился я, а стучал не сильно. Просто, когда я головой постучу, то на какое-то время их не слышу.

– Ну что, Игорь, нужно ехать в больницу. Обязательно.

– Уффф... – тяжело вздохнул больной. – А без больницы никак нельзя, а?

– Нет, Игорь, нельзя. Абсолютно.

– А если не поеду?

– Игорь, ну ты же сам все прекрасно знаешь. Зачем ты спрашиваешь?

– Ладно, поехали...

У Игоря были императивные псевдогаллюцинации⁹, которые являются безусловным показанием к госпитализации. В том числе и недобровольной. Хорошо хоть согласился, а то бы возиться пришлось. Увезли мы его в психиатрический стационар, обошлось без приключений. Хотя, пока ехали, он продолжал с «голосами» ругаться.

– Центральная, шестая свободна!

– Сюда, шестая!

До конца моей смены оставалось пятьдесят минут. Могут и еще дать. Но на Центр все же приехали. Наркотики сдавать не стал, подожду, когда минут пять останется до окончания. Сдал карточки на закрытие. И, о чудо, больше не вызвали! И не надо, а то и так уже заездили по самое не могу!

– Врач Климов, подойдите в диспетчерскую к телефону! – раздалось из динамика.

⁹ Императивные – приказывающие, повелевающие. Псевдогаллюцинации – мнимый образ больной наблюдает не со стороны, а внутри собственного тела. В данном случае, «голоса» больной «слышал» внутри собственной головы. – *Прим. авт.*

Да, такое практикуется, когда повод к вызову вызывает сомнения в обоснованности, а врач-психиатр, разумеется, здесь на Центре.

– Да, слушаю вас, здравствуйте!

– У мужа крыша едет! Напился пьяный и безобразничает, меня по лицу ударил, ругается! – закричал в трубку женский голос.

– Извините, но пьяных дебоширов мы не успокаиваем. Этим занимается полиция. Звоните туда и пусть его забирают.

– Да какая полиция?! У него же крыша едет! Сделайте ему успокоительное! А полицию я уже вызывала в прошлом месяце. Они его забрали на три часа, протокол составили, оштрафовали на пятьсот рублей, так я же этот штраф и платила за него! Зачем мне это надо?!

– Так, я вам все разъяснил. Звоните в полицию. До свидания, – и положил трубку, ибо бесплодный разговор мог затянуться до бесконечности.

Вот и времечко подошло к окончанию смены. Наркотики сдал и отчалил восвояси.

А на следующий день... В общем, наговорил я в прошлый раз, что, мол, завершился для меня грибной сезон. А вот как бы не так! Не удержался. Пошел. И не с пустыми руками, а ведро с собой прихватил. Один я был на даче, без супруги, иначе она бы сразу на корню пресекла мое грибное безобразие. В общем, набрал я лисичек почти полное ведро.

Привез домой, а Ирина моя, как и ожидалось, недовольство свое высказала:

– Опять притащил?! Вот теперь сам и делай чего хочешь со своими грибами! А я даже палец о палец не ударю!

И сделал! Нашел в интернете рецепт супа из лисичек. Сварил. Великолепно получилось! Ну, а оставшуюся часть заморозил.

– Ох ты моя хозяйюшка! – сказала оттаявшая супруга.

Но вот теперь все. Точно все. До будущего года.

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Долгая смена

Вот и вновь подошла моя очередная смена. Врачебно-фельдшерскую конференцию объявили. И мы все уже заранее знаем, что скажет нам главный врач. А скажет он об изменении своего приказа, ограничивающего время пребывания на вызовах и в приемных отделениях. Нет, мы не ясновидящие и не яснослышащие. Просто он уже говорил об этом в других сменах. После доклада старшего врача слово взял главный.

– Уважаемые коллеги! Разъясню причины, по которым был издан приказ, вызвавший бурю вашего недовольства. Дело в том, что при таком огромном количестве вызовов, некоторые бригады попросту филонят, затягивая время нахождения на вызовах. Например, вызов на «болит живот». Что там нужно сделать? Снять ЭКГ, пропальпировать и везти в стационар. Все! Вот объясните мне, как там можно зависнуть аж на целый час? Чем там можно заниматься? Оперировать, что ли? То же самое касается и нахождения в приемном отделении. Если вы привезли нетяжелого стабильного больного, зачем там высиживать? Оставьте медсестре сопроводительный талон, узнайте фамилию дежурного врача и впишите его в карту! Но все-таки в этот приказ я внес изменения. Теперь там прописано, что ограничения во времени не распространяются на тяжелых и нестабильных боль-

ных. То же самое касается и очередей из бригад в приемных отделениях. Так что перестаньте накручивать и себя и коллег! Никто не собирается вас всех грести под одну гребенку и налево-направо лишать стимулирующих! Теперь, что касается работы с планшетами. Понимаю ваше недовольство. Но, к сожалению, никуда от этого не деться. Подавляющее большинство регионов уже давно с ними работают. Бумажные карты вызова пока сохраняются, их оформлять придется, но в ближайшее время мы этот вопрос решим. Так что, давайте привыкать! Вопросы есть, коллеги?

– Есть, – сказала фельдшер Марина Кольцова. – В планшете нельзя исправить время и оказанную помощь. Как быть в таких случаях?

– Я свяжусь с разработчиками, чтобы они это разблокировали.

– А пока не связались, вы нас будете наказывать?

– Открою вам страшную тайну: все это можно поправить в компьютере на Центре или на подстанции. И еще раз повторяю, что всех подряд, бездумно, никто никого наказывать не будет.

– Уважаемые коллеги! – взяла слово начмед Надежда Юрьевна. – В продолжение слов Игоря Геннадьевича о долгом нахождении на вызовах. Самый свежий пример. Фельдшер Цаплин выехал на температуру 37,4. Больной был в удовлетворительном состоянии, сатурация прекрасная, в кислороде не нуждался, стабилизировать там было нечего. Но, на

вызове пробыл аж сорок три минуты! Лично я не понимаю, что там можно было делать в течение этого времени? Какую помощь оказывать? Игорь Геннадьевич, когда говорил про больной живот, имел в виду вызов фельдшера Логинова. Он выставляет острый аппендицит под вопросом. Больной молодой, с прекрасной гемодинамикой. Какая там может быть помощь? Аппендициты лечатся только хирургически в стационаре. Но фельдшер пробыл на этом вызове шестьдесят четыре минуты! И еще есть несколько вызовов похожих! В общем, коллеги, как хотите, но такие случаи будут выноситься на комиссию по стимулирующим.

– Коллеги, новый приказ находится у старшего врача. Пожалуйста, все ознакомьтесь и распишитесь. Еще есть вопросы? Нет? Тогда все, всем спасибо! – подвел итог главный.

Вопрос у меня остался. Незаданный. Зачем нужно было в такой спешке переходить на планшеты, если самые важные моменты вообще не продуманы? «Решим», «свяжемся». А раньше-то кто мешал это сделать? Но этот вопрос, безо всяких сомнений, все равно остался бы без ответа... Хотя у планшета есть и свои плюсы. Например, если пациент когда-то ранее вызывал скорую, то будут автоматически заполнены его паспортные данные и номер полиса. Да и учеба была проведена очень качественно.

Сегодня вновь двадцать три бригады. Нет, формально, бригад больше – двадцать семь, но четыре задействованы на понятно какую инфекцию. А потому, из общей работы они

выпадают.

Получил от своего коллеги из предыдущей смены планшет. Ну и в придачу нецензурные комментарии о нехватке времени для заполнения планшета и карточек.

Ввел свои логин и пароль. Все нормально. Работает.

В 8:47 планшет зазвенел и на экране появился вызов с красной полоской. Принял. Время пошло. «ФИО, М., 32 г., адрес такой-то, травмы головы, грудной клетки, избит. Вызывает жена». Так, главное – не забыть вовремя доезд отметить.

Жена больного, молодая женщина с бледным заплаканным лицом, рассказала:

– Он всю ночь где-то шарахался. Утром еле приполз весь избитый, даже раздеться не смог.

– Понятно, сейчас посмотрим.

Пострадавший сидел на диване, часто поверхностно дышал и тихо постанывал. Правый глаз заплыл из-за гематомы. Вокруг ощутимо витала перегарная вонь.

– Здравствуйте, что случилось?

– Я у друзей был... Забухал... Домой шел... Вдвоем прямо у дома меня запинали... Смартфон отобрали... Блин... Ребра болят... Дышать тяжело...

Да, дышать ему было действительно тяжело. Послушал. Дыхание справа отсутствует. Тишина. При пальпации болезненность в области V, VI, VII ребер справа. Что ж, можно

смело диагностировать гемопневмоторакс¹⁰. Ну и, разумеется, закрытую черепно-мозговую травму – сотрясение головного мозга. Обезболили, остальную помощь оказали по стандарту и свезли благополучно в стационар. Вот так и нашел человек приключения на свою... на свои..., в общем, на свой организм. А мне придется теперь в полицию сообщение передавать.

Пока были на вызове, фельдшер Герман заполнил в планшете и в карточке паспортные данные и номер полиса больного. И все равно времечка больше ушло, ведь я же должен и тут, и там жалобы, анамнез, статусы и лечение расписать.

Все, вот теперь все сделано. Жму, что освободился. Почти сразу вызов появился: «ФИО, адрес такой-то, М., 39 л., психоз, больной агрессивен. Учетный. Вызывает мать». Принял.

Только подъехали, и к машине сразу подошла женщина в пальто и в домашних тапочках на голых ногах.

– Здравствуйте, я его мама. Ой, опять у него психоз начался... – заплакала она. – Какую-то ерунду говорит, меня выгнал, только успела пальто надеть, да еще и пнул вдогонку... Вы сами туда не ходите, он ростом метр девяносто, здоровенный, может и за нож схватиться, вызывайте полицию! Я звонила, но мне сказали, что только скорая должна вызвать.

– Он у психиатра наблюдается?

¹⁰ Гемопневмоторакс – скопление в плевральной полости крови и воздуха. В данном случае причиной послужил разрыв плевры, а может и легкого, острыми обломками ребер. – *Прим. авт.*

– Да, уж давно, с девятого года. И в больнице то и дело лежит. Он недееспособный, у меня опека над ним. Не моется уже второй месяц – весь провонял!

– А в этот раз когда ухудшение началось?

– Вчера днем. Но вчера-то он не агрессивный был, просто говорил чего-то непонятное. Хотела таблетки ему дать, а он выкинул их. Потом не спал всю ночь. А сегодня вон чего началось.

Все понятно. Через диспетчера вызвал полицию. Ждем-с. Нет, без полиции в таких случаях нельзя никак. Хотя мои фельдшеры далеко не хлюпики, но все-таки мы не силовая структура.

Ждали минут двадцать. Приехали трое крепких, высоких парней в бронежилетах и касках. Поднялись к квартире. А дверь-то заперта. Ключей у мамы больного нет, не до них было, когда убегала. Стучали и просили, чуть ли не плясали в присядку. Но не открывает и все тут! Уж хотели было мчсников вызывать и тут, о чудо, взял и сам открыл! Видимо, созрел. Посторонился. Спокойно позволил полицейским надеть наручники. Как хорошо, что все обошлось без потасовки!

– Иди на ...! Ты через голову проходишь! – крикнул он матери, и та, от греха подальше, сразу же вышла из комнаты.

Усадили его на кровать.

Да, больной действительно очень высокий, крупного телосложения, но не мускулистый, а рыхлый. Не брит, волосы

сальные, взлохмаченные, неопрятная фланелевая рубашка, грязные спортивные штаны. Смотрит исподлобья, настороженно.

– Здравствуй, Андрей! Почему ты нам дверь не открывал, зачем маму выгнал, что случилось?

– Случилось вчера, в почтовом ящике, в нашем подъезде. А почтовый ящик – это не просто кино или книга! Спросите у Жени из сто двенадцатого дома! Я же еще не совсем куклу! Что мне доказывать? Если я кино смотрел, то что, я должен идти через подвал, что ли?! Сейчас все почтовые ящики проходят через подвал, вот и все дела. А магазин на улице Кирова никуда не денется. Зачем цирк-то устраивать?

– Андрей, честно говоря, я ничего не понял. Тебя что-то беспокоит? Что-то видится, слышится?

– А что видится? Мои слова не видятся. Я вижу через все участки. И через магазин на улице Кирова. И через седьмую палату. Мать приходит и через голову все получается. Чего мне слышать-то?

– Давай-ка, Андрей, поедем в больницу! – подвел я итог нашей содержательной беседе.

– Поедем, уедем, заедем. Вы лучше у Жени спросите! Там в почтовом ящике до хрена всего этого! – ответил он.

У полицейских аж глаза окосели, видимо, парни добросовестно пытались понять смысл сказанного. И зря пытались. Ведь у больного была ярко выраженная шизофазия – разорванность речи, при которой предложения строятся грамма-

тически правильно, но вот смысл в них отсутствует.

Мои фельдшеры помогли Андрею переобуться, накинули куртку и спокойно повели. Двое полицейских сели в нашу машину. Да, перестраховаться никогда не помешает, ведь мирное поведение больного еще ни о чем не говорит. Сейчас он совершенно спокоен, а в следующую минуту может такую агрессию выдать, что мало не покажется!

Пока ехали, Андрей всю дорогу развлекал парней своим увлекательным монологом. Но, в отличие от полицейских, у фельдшеров глаза не окосели. Привыкли.

Вот и все, планшет и карточка заполнены, отмечаю в планшете, что освободились. Вызов прилетел сразу: «ФИО, адрес, Ж., 30 л., боль в груди». О, есть сведения, что в этом месяце уже вызывала с головной болью. А это значит, что паспортные данные и номер полиса больной вписаны. Уже хорошо, мне меньше работы. Поехали! Но нет, пришла отмена. Другой вызов: «Улица Куйбышева, у дома № 34, ДТП, один пострадавший. Вызов получен через 112». Принял. Давно перестал я возмущаться по поводу непрофильных вызовов. Общеизвестная болячка сравнила между собой все бригады: и специализированные, и общепрофильные. Ну что ж, включаем «светомузыку» и летим. Хотя, летим – это громко сказано. Поток транспорта очень плотный, и хоть автомобили нас пропускают, но все же особо не разгонишься.

Приехали через восемь минут. На месте ДТП уже работают ГИБДД и пожарные. Некоторые, бывает, недоумевают,

мол, зачем пожарные-то нужны, если никакого пожара нет? Так вот, они нужны затем, чтобы обесточить электропроводку автомобиля, не допустить возгорания и взрыва бензобака, смыть разлившиеся горючие вещества. И приезжают пожарные не на любое ДТП, а только если есть пострадавшие.

Красная легковая иномарка с разбитой в хлам передней частью, огромная фура с поврежденной кабиной. Вся дорога усеяна обломками и осколками.

– Здравствуйте! Зря вас вызвали. Там труп, – сказал инспектор ДПС.

Пожарные тем временем извлекли тело водителя и положили на асфальт. Не буду никого шокировать описанием повреждений, только скажу, что они были абсолютно не совместимыми с жизнью. Водитель погиб сразу в момент ДТП. А вот водитель фуры от осмотра отказался.

Как рассказал инспектор ДПС, легковушка через двойную сплошную выехала на встречку и лоб в лоб столкнулась с фурой. Видать, сильно спешил покойный, а может просто решил крутость свою показать. Но, теперь уж бог ему судья...

Констатацию расписал. Жму, что освободился. Новый вызов: «ФИО, адрес такой-то, Ж., 67 л., боль в груди. Вызывает сама». Принял, поехали.

Дверь открыла сама больная, пожилая женщина со страдальческим выражением лица.

– Ой, как больно! – сказала она, держась за левую сторону груди. – Еле ползаю. Уж кучу таблеток перепила, а все никак

не проходит. Даже дышать больно!

– Пойдемте в комнату, вы ляжете, и я вас посмотрю.

Опаньки, а у больной-то в левой верхней части грудной клетки пузырьковые высыпания! Вот и «herpes zoster» наризовался. Другими словами, опоясывающий лишай, виновником которого является вирус герпеса. Это тот самый вредитель, который вызывает герпес на губах и ветрянку. И после того, как герпес или ветрянка давно прошли, вирус никуда не исчезает, он ждет, затаившись в нервах. Дождавшись, когда организм ослабнет, этот негодяй проявляет себя во всей красе в виде опоясывающего лишая.

На кардиограмме, как и ожидалось, ничего криминального не было. Объяснил больной ситуацию, рекомендовал обратиться в поликлинику, сделали ей внутримышечно нестероидное противовоспалительное средство, ну и ушли восwoяси.

Разрешили обед. Замечательно, пора бы уже! Сдал карточки, пообедали, чайку попили, покурили. А потом пошел и горизонтальное принял, положив планшет рядом с головой. Будет вызов, сразу услышу.

Вот и трель раздалась. Вызов пришел: «Адрес такой-то, гипермаркет «Глобус», Ж., 80 л., психоз. Вызывает охрана».

Пожилой охранник рассказал:

– Бабушка потерялась, ничего не помнит. Сначала на улице стояла у входа. Потом зашла, все бродила по торговому залу. Спрашивали ее, мол, как зовут и где живет, а она ни-

чего путного не отвечает. Вон она на скамеечке сидит.

Пожилая женщина растерянно и одновременно доверчиво улыбалась. Одета хоть и опрятно, но как-то неправильно: без головного убора, болоньевое пальто поверх домашнего халата, шерстяные носки без колготок и мужские туфли большого размера.

Я присел напротив нее на корточки.

– Здравствуйте, вас как зовут?

– ... Тамара, – не сразу ответила больная.

– А по отчеству как?

– Дык мы это... Мы с Кудряшовыми живем...

– Нет, вашего папу как звали?

– А его сейчас нет.

– Ну, а как же его зовут-то?

– Зовут... Да, вот так.

– А как ваша фамилия?

– ...

– Ну, хорошо, а где вы живете?

– А вон там, в деревянном доме!

Но никаких деревянных домов поблизости не было.

Нда... Бабулечка-потеряшка. Никакого психоза у нее нет, а есть деменция. Нужно госпитализировать в психиатрический стационар, ведь больная находится в беспомощном состоянии. Ни документов, ни телефона у нее при себе нет. Что ж, придется заезжать в отдел полиции, проверить ее по отпечаткам ладоней через АДИС Папилон. Это такая огромная

база дактилоскопических данных. Заехали, проверили. Ну и никакой информации не получили, личность не установили. Теперь держим путь в областную психиатрическую больницу. В общем, передали мы больную, как неизвестную.

Теперь очередной вызов: «ФИО, адрес такой-то, М., 51 г., желудочно-кишечное кровотечение. Рвота с кровью. Вызывает сожигательница».

Старый двухэтажный деревянный дом барачного типа. Неопрятная квартира, кругом навалено какое-то тряпье. На столе – традиционный алкоголический натюрморт: обгрызенные куски хлеба, окурки в тарелке, пластиковые стаканчики, три пустых «фанфурика».

Больной лежит на неубранной постели поверх несвежего белья. Худощавый, с впалыми щеками, поросшими седоватой щетиной. А вот живот резко контрастирует с общей худобой: большой, как у беременной на позднем сроке, тугой. Ярко выражен симптом «головы медузы»: от пупка во все стороны расходятся четко видимые расширенные вены. Такое странное название симптома взято из древнегреческой мифологии, поскольку картина очень напоминает голову Медузы Горгоны.

– Что вас беспокоит?

– Да вот сегодня затошнило, проблевался, смотрю – кровь. А еще башка чего-то кружится.

– Прямо красная кровь была?

– Да, красная.

– А стул какого цвета?

– Эээ... Как понять?

– Говно какого цвета?

– Да мне что-то и ни к чему.

– А живот такой большой давно?

– Дааа, уж, наверно, месяц. Не знаю, что такое, вроде и ем немного, а прет и прет!

– К врачам не обращался?

– Не, никуда не ходил.

Ну что ж, все понятно. Допился, бедолага, до цирроза и асцита¹¹. А как дополнительное осложнение – кровотечение из варикозно расширенных вен пищевода.

Давление 110/70 мм, низковатое. Покапали, ввели кровоостанавливающий препарат, ну и благополучно свезли больного в хирургический стационар.

Отметил в планшете освобождение. И вот еще вызов: «ФИО, адрес такой-то, М., 48 л., психоз, больной не учетный».

Добротный кирпичный частный дом. У калитки нас встретила супруга больного: невысокая, плотненькая, голо-систая.

– Здравствуйте! Вон, до «белки» допился, красавец! Пауков и каких-то баб гоняет!

– Последний раз когда выпивал?

– Позавчера, а вчера утром похмелился чуть-чуть и все.

¹¹ Асцит – скопление жидкости в брюшной полости. – *Прим. авт.*

А так-то недели две пил без просыха. Сегодня всю ночь не спал, утром какая-то суета на него напала, а сейчас вон чего получилось! И ведь хороший человек-то, руки золотые, но вот только пьет, как паразит!

Больной, среднего роста, с кучерявыми волосами, в расстегнутой до пупа рубашке, встретил нас с удивлением.

– О! Здравствуйте! А вы кто, спасатели, что ли? Вас Ленка вызвала?

– Нет, мы – скорая помощь...

– Лен, ну а скорую то ты на фига вызвала? Тут или спасатели, или полиция нужны! – обратился он к супруге.

– Иван Семеныч, а вы нам расскажите, что случилось, мы поможем не хуже спасателей.

– Ну ладно, – покладисто согласился больной. – Короче говоря, какая-то баба забралась вот в эту комнату.

– А как она туда попала?

– Да черт ее знает... Наверно, дверь была не заперта. Ну вот. И баба-то какая-то странная: легла не на самую кровать, а на спинку. И главное-то, все молча! Я ее спрашиваю, а она даже ни слова!

– А жена видела ее?

– Ой, да ни хрена она не видит! Если даже целая банда придет, она ничего не увидит! И вот дальше слушайте. Баба куда-то делась, видимо, убежала, а под шкафом теперь огромный паучище. Это, наверно, она его с собой притащила! Слушайте, я таких никогда не видал! Да вон, вон,

смотрите, из-под шкафа две ноги выглядывают! Я хотел его шваброй оттуда достать, а побоялся. Черт его знает, вдруг набросится? Вон, вон он, видите?! Давайте я фонарик принесу?

– Нет, не надо фонаря. Мы все поняли. Иван Семеныч, нужно поехать в больницу.

– В какую больницу? Да вы чего, мужики, я чего, больной, что ли? Зачем?

– Иван Семеныч! Нужно покапаться, полечиться. И возражения не принимаются.

– Ну, слушайте, я уже вообще ничего не понимаю!

– Иван Семеныч, собирайтесь, пожалуйста! Вот лежите в больнице, и вам все будет понятно.

– Ну ладно, ладно...

По дороге в наркологию, Семеныч настороженно спрашивал фельдшеров, мол, что это из-под носилок выглядывает? Уж не паук ли пробрался? Но мои фельдшеры успокоили его, сказав, что наша бригада специализируется на борьбе с пауками и со всякими непонятными бабами. В общем, благополучно и спокойно свезли его в наркологию.

Велено следовать в сторону Центра. Следуем. Но как-то не верится, что дадут доехать. Ну, точно! «ФИО, адрес такой-то, М., 64 г., боль в груди, одышка. Вызвала жена». Есть данные о том, что в прошлом месяце госпитализировался в кардиодиспансер с нестабильной стенокардией.

Больной держится рукой за грудь, морщится.

– Ооой, как больно-то... Я месяц назад уже вызывал...

Тогда болело, но не так... И дышать тяжело...

– Давно болит?

– Да уж часа полтора... Брызнул два раза и никакого толка... – Кивком головы он показал на флакон нитроглицерина.

Фельдшер Анатолий подал мне кардиограмму. Да, все понятно, вон какие подъемы. Острый переднебоковой инфаркт миокарда. Давление 140/90 мм, и это отлично! В подобных случаях тревогу вызывает, наоборот, давление низкое. Внутривенно, медленно, дробно ввели наркотик. Боль поутихла, но окончательно не ушла. Пришлось добавить другой наркотический препарат, к которому я отношусь очень настороженно. Да, напрягся я, ведь он может опасную аритмию спровоцировать. Но ничего, все обошлось хорошо, обезболивающий эффект наступил. Все остальное дали и сделали по стандарту. И увезли в Областную клиническую больницу.

Освободились. Следующий вызов не заставил себя ждать: «ФИО, площадь Новаторов, пункт полиции, М., 37 л., травма головы. Вызвала полиция». Пункт полиции – это будка такая, чем-то напоминающая киоск. Внутри находились двое полицейских, ну и, конечно же, сам виновник торжества в крохотной клетке. Этот господин с перепачканным кровью лицом, изволил орать и буйствовать.

– Э, вы че меня закрыли, а?! Вы че... ..?! Давай открывай, давай по-мужски побазарим?!

– Что с ним случилось-то? – спросил я у полицейских, не

обращая внимания на крики.

– Где-то упал, наверное. Граждане нас вызвали, заявили, что на остановке ко всем пристаёт и матерится, – ответил старший сержант. Посмотрите, может в больницу его?

Открыли клетку.

– Э, старый, давай, короче, меня на больничку вези! – потребовал господин.

– Сейчас посмотрим, – спокойно ответил я.

На правой брови – неглубокая ранка, в поперечнике миллиметров семь, со свернувшейся кровью, шить там нечего. Патологической неврологической симптоматики нет. А это значит, что в травмпункт или в стационар везти не с чем. Для вырезвителя тоже оснований нет: он, хоть и пьяный, но самостоятельно передвигаться вполне может.

Фельдшер Анатолий обработал ранку и наложил лейкопластырную повязку.

– Нет, никуда мы его не повезем, – сказал я полицейским.

– Э, слышь, ты,! Ты че, опух, что ли?! Ты че, на ментов, что ли, работаешь, ты, ...?! Я тебя в натуре найду, отвечаю! – орал он из вновь запертой клетки.

Сделал я запись, что господин в госпитализации не нуждается, и отчалили мы под аккомпанемент его матерных воплей и угроз.

Ну что, до конца смены остается чуть больше двадцати минут. Наверное, сейчас на Центр позовут. Отметил в планшете освобождение. Да что ж ты будешь делать, еще вызов

кинули! Нет, пока не принимаю, сейчас по рации свяжусь.

– Центральная!

– Слушаю.

– Это шестая. Надежд, ты мне вызов дала за двадцать две минуты до конца смены. А мне еще и наркотики надо списывать!

– Юрий Иванович, ну это же ваш вызов, тем более уличный. Уж отработайте его, пожалуйста, иначе он надолго зависнет!

– Ладно, что с тобой сделаешь, отработаю.

– Спасибо, Юрий Иванович!

«ФИО, адрес такой-то, во дворе дома, М., 44 г., психоз. Вызывает Осипов В.В., телефон такой-то». Приехали во двор Г-образной пятиэтажки и сразу увидели нашего больного, что называется, во всей красе. С голым торсом, в спортивных штанах и домашних тапочках он вертелся, пытаясь снять со своей спины нечто, видимое только ему одному. Двое мужчин и женщина контролировали его, не позволяя уйти со двора.

– Здравствуйте! Вон видите, чего творит? Видать «белка» накрыла! – сказал один из мужчин.

– Он пьющий, что ли?

– Ну, конечно!

– А где он живет-то?

– Не знаю, у него тут корефан живет в нашем подъезде, такой же алкаш, он к нему часто приходит.

– Аааа... Ну помогите, пожалуйста! Аааа... Снимите, оно

в спину вцепилось! – жалобно и испуганно кричал больной.

– А кто вцепился-то? – поинтересовался я.

– Да не знаю! – ответил он, пытаясь заглянуть на собственную спину. – Вроде жук какой-то!

Фельдшер Герман сделал движение, будто снял это нечто с больного.

– Все, все, я снял и выкинул. Больше ничего у тебя там нет! – сказал он больному.

Но тот, успокоившись на несколько секунд, вновь стал вертеться. Нет, так просто алкогольный делирий не купируешь... Завели его в машину, правда, с большим трудом.

– Мужики, а че у вас тут везде проволока торчит? Чуть глаз не выколол! – возмутился больной, отвлекшись от «жука на спине». Ну вот, теперь присоединились и галлюцинации в виде проволоки, часто встречающиеся при алкогольных психозах.

– Лучше скажи, зачем ты сюда-то пришел? – поинтересовался я.

– Я из квартиры убежал. Ко мне какой-то урод забрался. Ну и я к Ромке пришел, к другу, хотел переночевать у него, а его дома нет, – ответил больной, уворачиваясь от невидимой проволоки.

– А что за урод?

– Не знаю я его, вообще незнакомый! Настоящий урод: нос во какой, прямо до подбородка висит! Рожа синяя, как у мертвеца! Я быстрее убежал, даже одеться не успел!

– С кем ты живешь-то?

– Один, жена ушла...

– Сейчас, в данный момент, что-то беспокоит?

– Да эта... по спине ползает! Я даже прислониться не могу, вдруг укусит! – ответил больной, одновременно отгибая от своего лица невидимую проволоку.

– Сколько времени пил?

– Да я и не считал... несколько месяцев, наверно. Но я уже три дня вообще не выпиваю, сам завязал, безо всяких капельниц!

В общем, сдали мы болезного наркологам. Ведь они являются признанными специалистами по борьбе с жуками, монстрами и прочей белогорячечной нечистью.

На Центре списал израсходованные наркотики, сдал карточки. И только пошел переодеваться, как динамик прокричал строгим женским голосом:

– Врач Климов, зайдите в диспетчерскую!

Что же делать, пошел, размышляя, зачем я им понадобился.

– Юрий Иваныч, а вы хулиган! – с игривой улыбкой сказала фельдшер по приему вызовов Светлана, «закрывающая» карточки.

– Нет, Светочка, я – шалун! Что случилось-то?

– А где карточка на отмененный вызов «боль в груди»?

– Светуль, прости, пожалуйста, старого склеротика! Сейчас все сделаю!

Да, отмененные вызовы не исчезают в никуда. Кроме отметки в планшете, у нас нужно еще и в карточку все вписать. Быстренько все сделал. Хотя, быстренько-не быстренько, а переработка, в общей сложности, больше часа составила.

А дома, осторожненько так, сказал супруге, мол, очень хочется завтра в лес сходить. Но она тут же пресекла мои намерения, назвав меня лесным маньяком. В общем, ничего не поделаешь, буду ждать следующего сезона!

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Пустые вызовы

Вот и наступила настоящая поздняя осень: холодно, промозгло и уныло. Ветер сыплет в лицо противную морось. В такую погоду сидеть бы дома, в тепле и уюте, но о такой роскоши остается только мечтать... Сегодня моя очередная смена. Конференции не будет. Да и вообще, сдается мне, что конференции отныне станут редкими. Теперь, все распоряжения руководства доводятся до нас через планшеты.

Главный частично сдержал свои обещания. Теперь в планшете разблокированы время вызова и оказанная помощь. А вот рукописные карточки, к сожалению, пока остаются.

Никаких повальных репрессий за долгое нахождение на вызовах, не случилось. На комиссии по стимулирующим, наказали рублем двоих коллег, но здесь все было по справедливости. Они действительно, необоснованно тянули время. Так что, страсти улеглись.

Сегодня двадцать девять бригад, из которых четыре задействованы на общеизвестную болячку. В сухом остатке – двадцать пять. А фельдшеры общепрофильных бригад так по одному и работают, бедолаги. Хотя, на следующей неделе, обещали им в помощь прислать студентов старших курсов из медицинского ВУЗа.

Мой коллега из предыдущей смены Михаил Борисович, которого я меняю, загадочно ухмыляясь:

– Иваныч, у меня для тебя две новости: хорошая и плохая. Начну с хорошей. Наш бригадный дефибриллятор, наконец-то, отремонтировали!

– Ну, отлично. А какая плохая?

– Нам его не вернут. Наталья сказала, что по стандарту оснащения нам только автоматический положен.

– Вот ведь засранка! А ты к Андрею Ильичу ходил?

– Так ведь его хрен застанешь на месте! Два раза приходил, у него заперто. А потом нас заездили, и так не я попал к нему.

– Ладно, Борисыч, сейчас я схожу, может, застану.

И отправился я на «разборки» к главному фельдшеру. Повезло мне, он был на месте и что-то сосредоточенно делал на компьютере.

– Приветствую, Андрей Ильич! Мне сказали, что Наталья не хочет нам дефибриллятор возвращать. Вместо него, нам оставляют эту несчастную «говорилку» автоматическую. Это что за дела-то?

– Ну, так правильно. По приказу триста восемьдесят восемь эн, вам положен только автоматический дефибриллятор. А если Росздравнадзор придет с проверкой, кто будет штраф платить? Не вы, а я и старший фельдшер! Зачем нам подставляться-то?

– Андрей Ильич, да знаю я этот приказ не хуже вашего. Вот только вызовы нам дают все подряд, как-то не особо считаясь с приказами. А на эту автоматику особой надежды нет.

Ну, а если проверялки придут, так на время заменим и всех делов! Нет, Андрей Ильич, давайте решим этот вопрос прямо сейчас! Не подставим мы вас, не волнуемся!

– Ну ладно, Юрий Иванович. Идите к Наталье, я ей сейчас позвоню.

– Вот и спасибо, Андрей Ильич! Я знал, что вы настоящий друг!

В общем, вернулся домой наш родной дефибриллятор, аки блудный сын. Аж на душе стало приятно.

Удивительно, но первый вызов нам дали аж в начале десятого. «ФИО, адрес такой-то, Ж. 78 л., ОНМК? Нарушена речь. Вызвала дочь, телефон такой-то». Аббревиатура «ОНМК» означает «острое нарушение мозгового кровообращения», а проще говоря, инсульт. Ладно, сейчас приедем, посмотрим, что там за инсульт.

Дверь нам открыла встревоженная женщина с заплаканным лицом.

– Здравствуйте, я вас к маме вызвала. Она мне утром позвонила, ну она всегда мне по утрам звонит, а у нее язык заплетается! Еле слова выговаривает! Я приехала, смотрю, а она вообще какая-то не такая. Глаза ненормальные, все чего-то суетится, по квартире бродит. У нее инсульт, что ли?

Больная, ухоженная пожилая женщина, выглядевшая гораздо моложе своего возраста, увидев нас, остановилась посреди комнаты.

– Здравствуйте! А вы ко мне приехали? – спросила она, с

трудом выговаривая слова и глядя на нас замутненным взором.

– Да, Лидия Александровна, к вам. Пойдемте, вы в кровать приляжете, и я вас посмотрю.

И тут мой взгляд почему-то зацепился за одиноко лежавший на столе блистер с мелкими белыми таблеточками. Взял, посмотрел и буквально обалдел. Это был дешевый антидепрессант первого поколения. Отпускается строго по рецептам, свободно его не купишь. Препарат крайне коварный для пожилых людей. Двух таблеток не хватает.

– Лидия Александровна, а вот эти таблетки ваши?

– Да, мои. Я сначала одну выпила, а через час другую. У меня головные боли очень сильные.

– А кто вам их назначил?

– Я передачу смотрела, там доктор сказал, что эти таблетки очень хорошо от головной боли помогают.

– А как же вы их купили-то? Ведь они только по рецепту продаются!

– Так меня в нашей аптеке знают, мне и продали без рецепта.

– Что вас сейчас беспокоит?

– Язык заплетается, и никак сосредоточиться не могу. Хожу, брожу, как дура какая-то. А сейчас спать хочется. И сердце сильно колотится.

На ЭКГ синусовая тахикардия. Давление 110/70 мм, при привычном 140/90 мм. Глюкоза в крови нормальная. Ре-

флексии повышены. Ну что ж, все понятно, откуда взялась эта симптоматика. Налицо передозировка лекарственного препарата. Делать промывание смысла нет, ведь последнюю таблетку она приняла около двух часов назад. Сделали препарат бензодиазепинового ряда для предупреждения судорожного припадка, покапали. А вот от госпитализации больная категорически отказалась. Уж мы с ее дочерью чуть ли не вприпрыжку плясали, уговаривая, но она ни в какую! Нет и все! Но радует одно: дозировка была не слишком большой.

Дочь больной поинтересовалась, будет ли все хорошо с ее мамой? Но это только киношные доктора жизнерадостно заявляют, мол, жизни ничего не угрожает, и больной теперь пойдет на поправку! А вот в реальной жизни мы от таких оптимистических прогнозов воздерживаемся. В общем, велел я ей сегодня неотлучно с мамой находиться, в случае ухудшения, опять вызывать скорую. Ну, а таблетки эти, все до единой в унитаз спустить!

Не понимаю я этого теледоктора: как можно всем без разбора рекомендовать такой серьезнейший препарат? Да, во многих случаях, он действительно помогает при хронической головной боли. Вот только назначается он строго индивидуально, после осмотра, сбора анамнеза, обследования. А в отношении пожилых пациентов нужна особая осторожность, поскольку даже в терапевтических дозах, он может спровоцировать у них острые психозы. И в моей практике уже было два таких случая. Правда, в одном из них, молодой

человек накушался этих таблеток, чтобы необычные ощущения испытать.

Все, освобожден. Теперь следующий вызовок прилетел: «ФИО, адрес такой-то, Ж., 34 г., третьи роды. Вызвал муж, телефон такой-то». Ну, зашибись! Кому же еще дать роды, как не психиатрической бригаде?! А спорить бесполезно: главный не так давно на конференции заявил, что я выбираю вызовы, как блюда в ресторане. Вот теперь диспетчерская и дает нам все подряд, без разбора.

– Ну, Юрий Иванович, вы теперь психиатр-акушер! Поехали, ща рожать будем! – захохотал водитель.

– Володя, ну тебя нахер, смотри, сам-то не роди, вон какую пузень отрастил! Давай, включай «светомузыку»! – командовал я, внутренне передернувшись от такого «пророчества».

Да, на такой вызов нужно побыстрее ехать: третьи роды могут протекать стремительно, родит, как выплюнет. Ой, тьфу, не дай бог!

Нас встретили сама роженица и ее супруг. Оба с приятными, светлыми лицами и доброжелательными улыбками. У меня аж от сердца отлегло, значит, что прямо сейчас точно никто не родит!

– Здравствуйте! Вон какие гвардейцы за мной приехали! А почему вас трое? – поинтересовалась роженица.

– Мы бригада интенсивной терапии, всегда по трое работаем, – скромно ответил я.

Да, на непрофильных вызовах я всегда вру. А уж тут-то соврать, сам бог велел. Иначе родит еще прямо здесь, узнав, что в роддом ее повезет психиатрическая бригада. Мои опасения, к счастью, не сбылись. Увезли мы ее благополучно.

Вот и еще вызов: «ФИО, адрес такой-то, М., 54 г., аритмия. Вызывает сам, телефон такой-то».

Квартира хоть и опрятная, но давно не видевшая ремонта. Больной, худощавый мужчина с испуганным лицом, рассказал:

– Что-то у меня мотор неправильно работает. И вообще, как-то мне хреновато, башка покруживается.

– И давно у вас это?

– Позавчера началось.

– А почему сразу не вызвали?

– Да я тут... это... ну, забухал, короче. Думал, пройдет, а вот ни хрена что-то не проходит...

На ЭКГ – фибрилляция предсердий, нормосистолическая форма. Что и следовало ожидать. Это означает, что предсердия сокращаются, как им вздумается: хаотично, независимо от желудочков. Нормосистолическая форма говорит о том, что желудочки сокращаются с нормальной частотой. С момента начала прошло уже более сорока восьми часов, а это значит, что нормальный ритм восстанавливать уже нельзя. Дело в том, что за это время, в ушке левого предсердия образуется тромб. При восстановлении нормального ритма, он оторвется «выстрелит» вверх и закупорит один из сосудов,

кровообеспечивающих головной мозг. И тогда инсульт неизбежен. Теперь больному придется постоянно жить с этой аритмией, пожизненно принимая препарат, предотвращающий образование тромбов. В общем, увезли мы бедолагу в кардиологическое отделение.

Кстати говоря, увидел я забавнейшие эпизоды в сериале «Скорая помощь». Эту глупость супруга смотрит, несмотря на мои протесты. А я, хочешь-не хочешь, тоже вынужден созерцать этот «киношедевр». Так вот, там больная заявила о непереносимости одного антиаритмического препарата и попросила заменить его на другой. Врачебная бригада сочла это нестандартной ситуацией. Доктор растерялся и стал звонить своему более опытному коллеге. Получается, что он вообще не знает клиническую фармакологию и стандарты. В реальной жизни это означало бы полную профнепригодность. При регистрации ЭКГ, вместо шести грудных электродов, прилепили четыре, два из которых – на живот. Главный врач лично руководит бригадами. Видимо, старшие врачи смен там вымерли, как динозавры. И он, почему зря, дергает бригаду, находящуюся на вызове, истерически вопрошая: «Что у вас там? Доложите обстановку!». Все выездные медики работают в дневную смену. Наверное, в оставшееся время, граждане не имеют права болеть и травмироваться. Ну, и в качестве вишенки на торте: главный врач включил в одну бригаду сразу двух врачей. Да, именно главный врач лично. Не врача и фельдшера, а именно двух врачей. Здесь,

как говорится, без комментариев.

Все дописал. Освободился. Сразу пришел следующий вызов: «ФИО, адрес такой-то, М., 66 л., психоз. Больной учетный. Вызывает дочь, телефон такой-то». Понятно, больной нам уже знаком, были мы у него в прошлом году. При нас он смиренный и послушный, а вот своих близких тиранит.

Дочь больного, бледная, с измученным лицом, рассказала:

– У него опять все по новой началось. Из своей комнаты только с ножом выходит. С нами не разговаривает, только на ... посылает. Мы за детей боимся! Не моется, белье менять не дает, все кругом мочой провоняло!

– А не думали его в интернат отдать? Ведь у него есть инвалидность.

– Думали, да как-то жалко его... Люди осудят...

Больной, толстенький и плотно сбитый, одетый лишь в семейные трусы, лежал в постели с хмурым лицом. Вокруг была такая резкая вонь мочой, что аж глаза резало и в носу свербело. Фельдшер Герман быстренько убрал два кухонных ножа, лежавших на прикроватной тумбочке.

– Здравствуйте, Сергей Васильевич! Ну, рассказывайте, что случилось.

– Ничего не случилось, – нехотя ответил он.

– А зачем вам ножи? Почему вы по квартире с ножом ходите?

– Никуда я не хожу. Пошли они все на ...

– Ну, а почему вас дочь и дети боятся?

– Пошли они на ...

– Может, они вас чем-то обидели?

– Пошли они на ...

– Понятно. Ну что, Сергей Васильевич, собирайтесь, в больницу поедем. Надо полечиться.

– Никуда я не поеду!

– Сергей Васильевич! Давайте по-хорошему, иначе все как в прошлый раз будет. Помните?

– Да ладно, ... с вами, поехали!

В стационаре мои парни помогли сопроводить его в отделение и положить на вязки. Да, долгим получился этот вызов, на все про все почти полтора часа ушло. Но справедливости ради, нашу бригаду ни разу не наказали за долгое пребывание на вызовах. Вот теперь можно и на Центр проситься, а то уже поест охота.

Эх, лафа какая, после обеда в постельке полежать! Но очень долго разлеживаться не дали. Через час, вызов пульнули: «Остановка общественного транспорта «Улица Тургенева», со стороны сквера, М. 50 л., человеку плохо. Алкогольное опьянение. Вызов получен через 112». Наверняка, человеку в состоянии алкогольного опьянения, наоборот, очень хорошо. Но кто-то из бдительных прохожих решил обломать ему весь кайф. Хотя всякое бывает, за алкогольным опьянением могут скрываться и инсульт, и черепно-мозговая травма. Так что, поостерегусь я что-то утверждать раньше времени.

На скамейке в остановочном павильоне, повернувшись на бочок, лежал пьянецки пьяный, прилично одетый господин. Разбудили. Господин, приняв сидячее положение и сфокусировав мутный взор, сказал заплетающимся языком:

– Мужики, все нормально. Я с женой поругался. Я поплю и уйду... – ответил он

– Нет, тут спать нельзя. Тем более, что вместо нас может и полиция приехать. Протокол составят и оштрафуют. Зачем тебе это надо? Ты где живешь-то?

– Там-то. Но я домой не поеду.

– Да мы тебя туда и не повезем, уж больно далеко, на другом конце города.

– Чегооо?! А где я сейчас?

– На улице Тургенева.

– Ни... себе!!! А как я сюда попал-то?!

– А вот это тебе лучше знать. Давай-ка, лучше поедем в вытрезвитель? Там поспишь в тепле и потом пойдешь, куда тебе надо.

– А там нормально?

– Ну, не роскошные апартаменты, конечно, зато чисто и тепло.

– Ладно, поехали...

Но, когда подъехали к вытрезвителю, чуть протрезвевший господин, вдруг передумал.

– Не, не! Не пойду я туда! – И быстро ушел в неизвестном направлении.

А мы его и не удерживали. Не имеем мы права принудительно доставлять кого-либо в вытрезвитель. Тем более что господин вполне мог самостоятельно передвигаться. Ну что ж, как говорится, было бы предложено! Вот только зря время потеряли, почти час.

Освободился. Следующий вызов: «Неизвестная. Адрес такой-то, на парковке у гипермаркета «Притяжение», Ж., 30 л. Психоз. Вызывает Караваев И.А., телефон такой-то». Хм, да, завис этот вызовок. Разрыв между приемом-передачей, аж 37 минут. И не удивительно, ведь наша бригада единственная и неповторимая на весь город и прилегающий к нему район. За нас некому психиатрические вызовы отрабатывать. Ладно, вернусь на Центр, там поправим.

На парковке нелепо раскорячилась легковая иномарка с изрядно помятым передком и открытой водительской дверью. На водительском месте сидела молодая брюнетка со всклокоченными волосами. Двое мужчин не позволяли ей закрыть дверь. Неподалеку стояли несколько человек, видимо, владельцы поврежденных авто, а может и просто зрители, кто их знает.

– Че вам от меня надо?! Отпустите меня! Пустите, я сказала! Ща мой отец приедет, он вам бошки пооткручивает! – кричала барышня, безуспешно пытаясь закрыть дверь.

– Здравствуйте, что случилось-приключилось?

– Да она на своем «Форде» три машины протаранила! Мы из магазина вышли, увидели это дело, а она как раз остано-

вилась. Я подбежал, дверь открыл, а она вообще невменяемая, какую-то пургу несет. Я сразу и вас и гаишников вызвал. А их нет до сих пор. Она уколота, что ли? Сейчас, правда, в себя пришла, а была вообще никакая!

– Че вы врете?! Ничего этого не было! Не было ничего! Вообще ничего! – возмущенно вмешалась в диалог виновница торжества.

– Так, может, она случайно? Может, парковалась неудачно?

– Какой случайно?! Вон, места полно! Нет, она специально назад сдавала и таранила!

– Уважаемая, пойдите к нам в машинку, там я вас посмотрю, давлению померяем, – обратился я к девушке.

– Зачем?! Никуда я не пойду! Сейчас за мной приедут.

– Ну, хорошо, вас как зовут?

– Марина, а что? Чего я сделала-то?! Что вы до меня докопались?

– Марина, я до вас не докапываюсь, а просто хочу понять, что случилось? Вот говорят, что вы чужие машины побили. Зачем вы это сделали? Может, случайно?

– Да ничего я не делала! Вообще ничего этого не было! Вы обалдели, что ли? Я вообще домой ехала!

– Марина, а почему же у вашей машины передняя часть помята?

– Да откуда я знаю?! Чего вы ерунду-то говорите?!

– Марина, ну вы же сами отсюда видите помятый капот.

Как же так получилось-то?

– Да не знаю я! Никак не получилось!

– Марина, вы что-нибудь употребляли?

– Да ничего я не употребляла! Вы с ума, что ли, сошли?!

Дайте я уже поеду!

– Нет, Марина, подождите, сейчас должна ГИБДД подъехать.

– Марина, значит, вы отказываетесь от осмотра? А может все-таки я вас посмотрю?

– Не надо меня смотреть!

– Хорошо, тогда давайте мы запишем ваши данные.

– Пишите.

О, вот, наконец-то, доблестная ГИБДД приехала. Инспекторы пообщались с гражданами и подошли к нам.

– Здравствуйте! Что с ней случилось? – спросил инспектор.

– От осмотра она отказалась. Возможно, что чего-то употребила, но это всего лишь предположение.

– Понятно. Ладно, спасибо. Мы ее на освидетельствование повезем. Так что, можете ехать. А, нет, сначала скажите мне свои ФИО, должность и номер бригады.

Зрачки широкие, взгляд блуждающий. Речь быстрая. Не усидчива, ерзает на сиденье. Поставил под вопросом отравление неизвестным веществом. За отказ от осмотра она расписалась. Вот и снова мы зря потратили время. Тридцать девять минут пролетели напрасно.

Освободился. Велено следовать в сторону Центра. Ну что ж, следуем, без особой надежды на то, что дадут доехать. И точно. Вызов пульнули: «ФИО, адрес такой-то, М., 43 г., психоз. Больной не учетный. Вызвал сам, телефон такой-то». Ну, прям любопытство разбирает, что там за психоз такой, если вызывает сам? Может, критика к своему состоянию сохранена? Ладно, чего гадать, сейчас приедем, увидим.

Приехали. Опаньки, красота-то какая! Пред нами предстал пьяный господин с голым торсом и спущенными до колен штанами.

– А че, девчонок нет, что ли? – разочарованно спросил он, шевеля толстыми, слюнявыми губами.

– Так, уважаемый, говори, чего хотел? Зачем вызвал?

– А сделайте мне морфий, ну или что-нибудь, чтобы хорошо стало!

– Чего? Послушай, чудище, сейчас мы тебя положим мордой в пол и сдадим в полицию! Хочешь?!

– Не, не, все, я все понял, ничего не надо!

– Ну, смотри, если вызовешь еще раз, то вместо нас приедет экипаж полиции!

Хорошо еще, что он про психические нарушения сказал, когда вызывал. А если бы он назвал другой повод, и к нему бы приехала девушка-фельдшер? Да, все фельдшеры теперь по одному работают. Страшно представить, что могло бы случиться!

И вновь впустую потраченное время: двадцать шесть ми-

нут с учетом оформления документации.

Вновь дана команда двигаться в сторону Центра. Оставалось всего метров триста, как прислали вызов: «ФИО, адрес такой-то, Ж., 76 л., психоз. Вызывает соседка, телефон такой-то».

У подъезда «хрущевки», нас встретила весьма поддатая дама с опухшей физиономией, в бордовом болоньевом пальто нараспашку.

– Здрасьте, это я вас вызвала! У нее совсем крышу снесло, короче! Сегодня в одной ночнушке бегала по улице, кого-то искала! Заберите ее на ...! – сказала она прокуренным, грубым голосом.

– Сейчас посмотрим, – сухо ответил я.

Не открывали долго. Наконец, из-за двери послышался настороженный женский голос:

– Кто там?

– Скорая!

– Какая скорая?

– Обычная. Откройте, пожалуйста, нас к вам вызвали.

Два раза щелкнул замок, и дверь слегка приоткрылась. В узкой щелочке появилось встревоженное лицо пожилой женщины в белой косынке. Убедившись, что мы действительно скорая, она открыла дверь и пустила нас в квартиру.

– А зачем вас вызвали-то? – с недоумением поинтересовалась женщина.

– Сказали, что вы в ночной рубашке по улице бегали.

– Господи Иисусе! Да это что такое-то?! Ой, позорище какое! Это Ольга, сволочуга, пьяница поганая! Она у меня деньги несколько раз занимала и не отдает. А сегодня опять пришла: «Теть Шур, дай двести рублей». Ну, я и выгнала ее, говорю, вот когда долги отдашь, тогда и поговорим. Как они надоели вместе с Пашкой, с ее сожителем! Пьют оба, как прорвы, вся шантрапа у них собирается. Уж мы и к участковому ходили, чтоб меры какие-то принял, а все без толку! Весь подъезд от них стонет!

Ну что ж, женщина полностью ориентирована, с сохраненным интеллектом, бреда и галлюцинаций не обнаруживает. Понятно, что вызов не обоснован.

В подъезде нас ожидала госпожа в бордовом пальто.

– Дык вы ее не забрали, что ли?

– Сейчас – говорю, – мы тебя саму заберем и сдадим в полицию! И только попробуй еще хоть слово визгнуть!

И ушла она восвояси, что-то недовольно бубня. Вот и еще один пустой вызов.

Все оформил. Освободился. Новый вызов: «ФИО, адрес такой-то, М., 34 г., психоз. Вызывает сам, телефон такой-то». Ну-ну, опять сам вызывает. Посмотрим, что там за психоз.

Малюсенькая однокомнатная квартирка в малосемейке. Обстановки, собственно, никакой и нет: лишь кровать, старенькая прикроватная тумбочка и стул. Ну и матрас с подушкой на полу. Сам больной... Хотел написать «молодой мужчина», но это было бы неправильно. Так вот, больной

выглядел намного старше своего возраста. Худой, с желтоватой, дряблой кожей, небритый, со взлохмаченными волосами.

– Мужики, помираю, ...! Я на ломах конкретных¹². Все кости болят, уснуть не могу, я ващще весь на измене, ...! Блюю то и дело. Сделайте чего-нибудь, пожалуйста!

– Что употреблял?

– <Название наркотика>. Я переломаться решил, дозу снизить.

– А почему в наркологию не обратился?

– Не дойду я туда. Может, завтра, если отпустит немного.

– Последний раз когда колол?

– Позавчера вечером.

– А общий стаж какой?

– Шесть лет.

– ВИЧ, гепатит?

– Да, и ВИЧ, и гепатит С.

– Ладно, сейчас покапаем.

– Только у меня на руках вен нет, в ногу капайте.

– А трамадол не сделаете?

– Нет, не имеем права.

– Ладно, делайте, что есть...

Фельдшер Анатолий подкололся в вену на тыле стопы. По-

¹² Быть на ломах (жарг.) – испытывать «ломку», т. е. состояние абстиненции. Быть на измене (жарг.) – находиться в состоянии беспокойства, растерянности, неудовольствия, страха, дискомфорта. – *Прим. авт.*

капали с препаратом бензодиазепинового ряда и еще кое с чем, разумеется, не наркотическим. Полегче стало болезнуму. Нет, никуда мы его не повезли. В наркологии с абстинентным синдромом, по скорой не принимают.

Не понимаю, как они вызовы принимают? Где там психоз усмотрели? Неужели нельзя выяснить у вызывающего конкретные жалобы? Ладно, вернусь на Центр, разберусь.

Вот и еще вызов втюхали: «ФИО, адрес такой-то, М., 36 л., психоз. Больной учетный. Вызывает мать, телефон такой-то». Понятно. Знакомый больной. Бывали мы у него. Этакий богатырь, добродушный, совершенно не агрессивный, даже когда «голоса» его достают.

Дверь открыла мама больного, высокая, моложавая, энергичная женщина.

– Здравствуйте! Ой, как хорошо, что опять вы приехали! Слушайте, какой-то он возбужденный сегодня, все чего-то ходит-бродит, на месте не сидит.

– Сейчас посмотрим.

Больной ходил по комнате взад-вперед, лицо тревожное, как будто испуганное.

– Здорова, Иван! – поприветствовал я его. – Давай присядем, поговорим. Что случилось? «Голоса» появились?

– Нет, нет, никаких голосов нет, я бы вам сразу сказал, вы же знаете! Просто я чего-то весь на нервяке, ни сидеть, ни лежать не могу. И не спится нифига.

– Ладно, Иван, сейчас полечим, все нормально будет!

Сделали мы ему волшебную внутримышечную инъекцию. Начал успокаиваться. Ну, вот и ладненько, значит, можно отчаливать. И этого больного никуда не повезли. Бреда и галлюцинаций он не обнаруживает, не агрессивен.

Вот и еще вызовок, надеюсь, что последний на сегодня. «ФИО, адрес такой-то, Ж., 56 л. Психоз. Больная не учетная». Ладно, как говорится, будем посмотреть.

В прихожей нас встретили молодые мужчина и женщина с разгневанными лицами.

– Здравствуйте! Я ее дочь. Она уже до «белки» допилась, скотина! Белье с постели стащила и бросила посреди комнаты! Нас обматерила по-всякому! Суп в унитаз вылила, целую кастрюлю!

– Она выпивала сегодня?

– Да она пьет, как лошадь! С утра пораньше куда-то уходила, пришла нажратая, а теперь все добавляет и добавляет! Заберите ее куда-нибудь, пусть ее полечат!

Госпожа с помятым, обрюзгшим лицом, сидела в кресле и была изумительно пьяна.

– Здравствуйте, Наталья Николаевна!

– И че? – поинтересовалась она, прищурив один глаз.

– Что случилось-то? Почему на вас дочка жалуется?

– Да и ... с ней, пусть жалуется. Я их вообще выгоню на ...! ... они меня в доску! Это моя квартира!

– Много ли выпили-то сегодня?

– До ...! – гордо ответила госпожа и расплылась в доволь-

ной улыбке.

– А полечиться не пробовали?

– На ... мне лечиться?! Я че, алкашка, что ли?

Все предельно ясно. Никакого психоза здесь нет, а есть алкогольное опьянение у хронической алкоголички с токсической энцефалопатией.

– Так вы ее не заберете, что ли?! – возмущенно поинтересовалась дочь.

– Нет, не заберем. У нее никакой не психоз, а обычное алкогольное опьянение.

– А ничего, что у нее крыша едет?! – не отступала она.

– Это проявление алкогольного опьянения. Но пьяных хулиганов мы не успокаиваем и никуда не увозим. Уговаривайте ее, чтоб она сама добровольно пошла к наркологу. Больше никаких вариантов нет.

– Да как ее уговоришь-то?! Вы соображаете вообще?! – подключился зять пьяной госпожи.

– Так, я вам все объяснил.

– Мы на вас жалобу напишем!

– И вам всего хорошего! До свидания!

Да что ж за смена-то сегодня? Ведь только один единственный психоз подтвердился! Даже у Ивана, страдающего хроническим психическим расстройством, был не психоз, а ухудшение состояния.

И вновь переработка получилась больше часа. Теперь уж всегда, что ли, так будет? Когда вернулись на Центр, сразу

пошел в диспетчерскую.

– Здравствуйте, девушки! А скажите мне, пожалуйста, кто из вас принимал вызов с психозом на Горьковскую?

– Я принимала, – отозвалась молоденькая фельдшер по приему вызовов.

– Вас как зовут?

– Татьяна.

– Татьян, на этом вызове – наркоман в абстиненции. Никаких признаков психоза у него не было. Он вам что по телефону сказал?

– Он на бессонницу жаловался, говорил, что ни лежать, ни сидеть не может, что у него все болит.

– Ну и где тут психоз? Вот, например, если вы уснуть не можете, вам что, психиатрическую бригаду нужно присылать?

– Я поняла, извините... – она виновато опустила глаза

– Танюш, на будущее, если сомневаетесь, то посоветуйтесь с более опытными коллегами.

– Хорошо.

– Вот и умница!

Ну и все, смена моя окончена, теперь можно и домой собираться. И ушел я в этот раз без чувства выполненного долга, ведь целых пять вызовов пустыми были...

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Максимкины гастроли

Вот и притопал я на работу, борясь со снежным месивом под ногами. Но у нас на скорой все как в прошлом году. Дворник Саша, освещенный яркими фонарями, вместо того, чтобы разгрести это безобразие, маленьким совочком на длинной ручке собирает окурки и прочий мелкий мусор. Уже никто и не возмущается, и не смеется. Привыкли-с.

В каком-то веке объявили учебно-фельдшерскую конференцию. Ну что ж, значит не совсем позабыто это мероприятие. Уже хорошо. После доклада старшего врача предыдущей смены, слово взяла начмед Надежда Юрьевна.

– Уважаемые коллеги! Сколько можно говорить об одном и том же?! – даже не проговорила, а прорычала она. – При ОНМК в позу Ромберга больных не ставим! За эту вашу позу, Вадим Васильевич, нас оштрафовали!

– Надежда Юрьевна, так ведь больная-то в сознании была! – попытался парировать доктор Офилов.

– Вадим Василич, вот еще бы только не хватало, чтобы бессознательных больных в разные позы ставили! – и по залу прошелся смешок.

– Далее, – продолжила Надежда Юрьевна. – сколько раз можно твердить, что оказанная помощь должна соответствовать тяжести состояния больного ну и, конечно, диагнозу. Вот я держу карточку фельдшера Долгачева. Он выставля-

ет ХОБЛ, тяжелое течение. Он же ставит тяжелое состояние больного. Но оказанная помощь – всего лишь, оксигенотерапия! И это еще не все! Фельдшер ведет такого больного до машины своим ходом! Ну сколько можно перемалывать одно и то же, скажите? В прошлом году была аналогичная ситуация, вот прямо дежа вю, но выводы из нее никакие не сделаны. А точнее, вывод сделан, будем наказывать финансово.

– А напоследок, я спую, – сказал главный врач. – Один уважаемый доктор был замечен в состоянии алкогольного опьянения. Называть я его не буду. Разумеется, до работы не допустили. Нет, я все понимаю, конечно, работа напряженная, фактически без заездов. Но ведь расслабиться можно и после работы. Ну что за детский сад, в конце концов?!

Меня разобрал смех.

– А с чего это вам смешно, Юрий Иванович? – поинтересовался главный.

– Да так, извините, просто наглядно представил, как детишки в садике сбрасываются на психологическую разгрузку.

Вот тут засмеялся и сам главный.

– Так, коллеги, вопросы есть? – решил он подвести итог конференции.

– Есть, – встал с места фельдшер Денис Обакшин. – Когда ликвидируют карты вызова? Ведь на других скорых этого нет.

– Эээ... Мы работаем над этим вопросом. И мы ничего не

забыли. Думаю, что в конце декабря все решим. Еще вопросы есть? Тогда всем спасибо!

После конференции, как всегда, сидим в «телевизионке». А почему бы и не посидеть, если укладки укомплектованы, а машинки сияют чистотой, как ясны солнышки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.